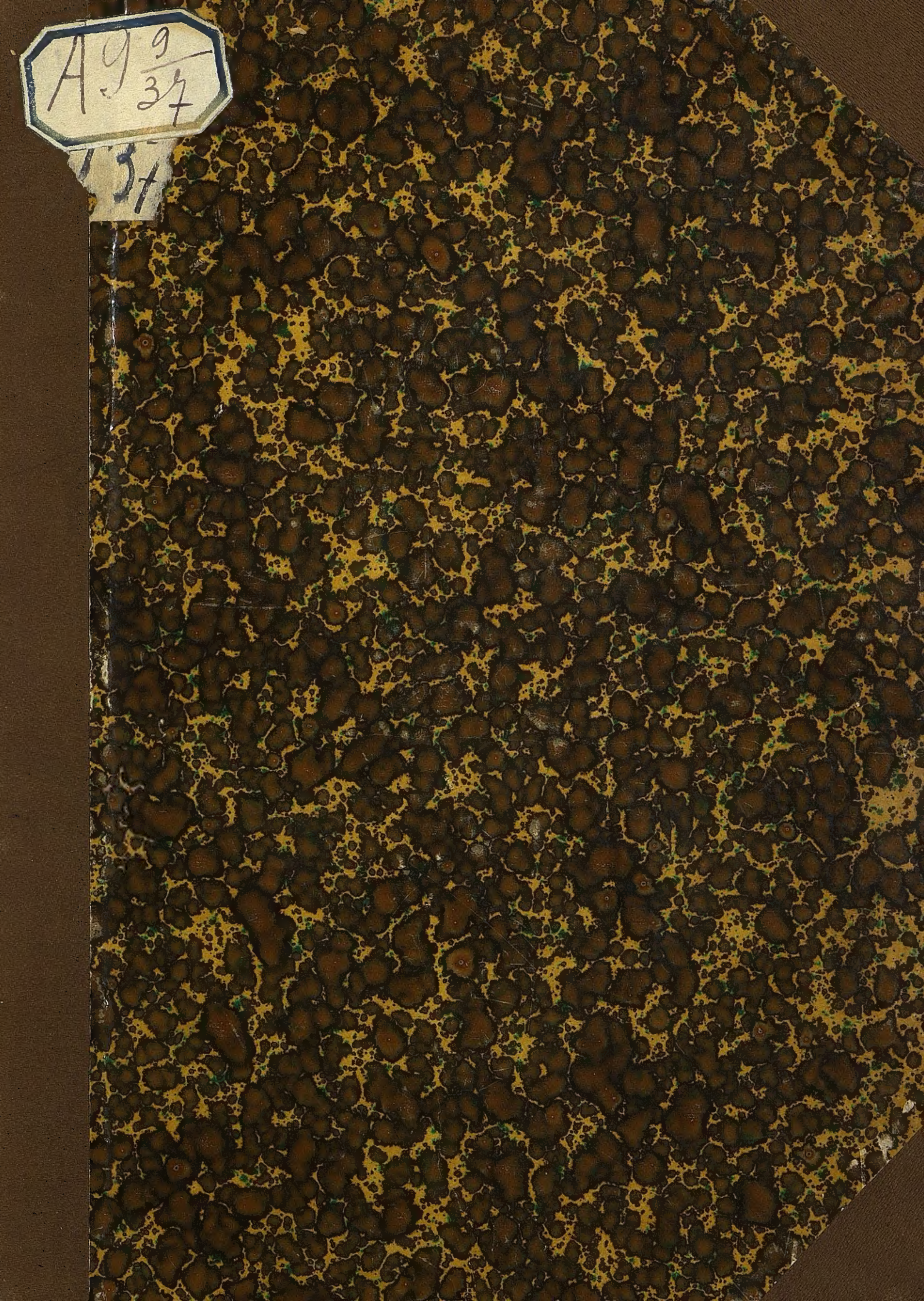

A 9/37

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

РУССКОЙ АДВОКАТУРЫ

(къ 50-лѣтію присяжной адвокатуры)

1864 20 ноября 1914

Д. Н. БОРОДИНЪ

Присяжный Повѣренный.

I ЧАСТЬ.

Иллюстрированное изданіе.

ПЕТРОГРАДЪ.

1915.

Петроградская Коммерч. Типо-Лит.
М. Виленчикъ. Николаевск., 60—7.

Посвящаю

дорогимъ товарищамъ,

моимъ благороднымъ защитникамъ

Виктору Антоновичу

ДЕ-ПЛАНСОНЪ

и

Сигизмунду Феликсовичу

РЫМОВИЧУ.

ВВЕДЕНІЕ.

Пятьдесятъ лѣтъ жизни составляютъ такой промежутокъ времени, о которомъ лицу обозрѣвающему, въ исторической перспективѣ, жизнь и судьбу учрежденія, общества и даже государства, можно уже сказать нѣчто опредѣленное и подвести итоги, сдѣлать нѣкоторые выводы.

Жизнь русской присяжной адвокатуры за 50 лѣтъ даетъ историку богатый и интересный матеріалъ. Ростъ и движеніе профессіональной и общественной дѣятельности русской адвокатуры представляетъ громадный интересъ въ связи съ успѣхами общественной жизни всей страны. Въ борьбѣ за правовые идеалы, осуществленія которыхъ такъ страстно добивалось все русское общество,—русская адвокатура, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, заняла видное мѣсто. Наша сословная адвокатура всегда оставалась непоколебимой въ защитѣ законности, гражданской и политической свободы всѣхъ гражданъ, безъ различія національностей, исходя изъ того положенія, что эти устои общественности—лучше всего охраняютъ жизнь гражданъ отъ всякихъ насильственныхъ потрясеній и покушеній.

Въ своей общественной дѣятельности русская адвокатура, среди тяжкихъ испытаній, стремилась обезпечить личную свободу гражданъ и вмѣстѣ съ тѣмъ примирить ея интересы съ интересами правового

порядка и безопасности. Въ этомъ громадная заслуга нашей адвокатуры и историку представляется цѣнный матеріалъ—оттѣнить боевое значеніе адвокатуры въ борьбѣ за общественные идеалы и отмѣтить имена, которыя составляютъ гордость и украшеніе сословія.

Дать исторію русской адвокатуры за 50 лѣтъ ея дѣятельности—задача для насъ непосильная и такая работа явится сословнымъ дѣломъ адвокатуры.

Наша задача совсѣмъ скромная—представить краткій очеркъ жизни адвокатовъ за 50 лѣтъ въ предѣлахъ тѣхъ историческихъ моментовъ, которые являлись этапными пунктами въ жизни сословія и, въ этой перспективѣ наслоенія событій, при содѣйствіи богатаго литературнаго матеріала, дать краткій обзоръ о профессіональной дѣятельности русской адвокатуры и о ея служеніи общественнымъ идеаламъ.

Работу нашу мы раздѣляемъ на 4 части. Въ первыхъ шести главахъ *первой* части мы даемъ сжатый обзоръ адвокатуры въ чужихъ странахъ постолько, поскольно это необходимо, съ нашей точки зрѣнія, для нѣкоторыхъ выводовъ и сравненій съ положеніемъ нашей адвокатуры. Седьмую главу первой части мы посвящаемъ краткому очерку нашей юстиціи и адвокатурѣ до судебной реформы, седьмую и восьмую главу—сословной организаціи нашей адвокатуры, осуществленной судебными уставами, о роли и значеніи адвокатуры, объ общественныхъ ея задачахъ, о значеніи выборнаго совѣта и первыхъ шагахъ его дѣятельности по укрѣпленію сословной организаціи.

Предметомъ первыхъ двухъ главъ *второй* части будетъ внѣшній строй и порядокъ дѣятельности органовъ самоуправленія присяжной адвокатуры и ихъ помощниковъ; третья глава составитъ обзоръ характера и роли въ дѣлѣ судебнаго представительства—присяжныхъ стряпчихъ, частныхъ повѣренныхъ и

ходатаевъ по дѣламъ, а четвертая глава посвящается положенію юридической защиты крестьянскаго населенія и земской адвокатурѣ.

Третья часть явится центромъ тяжести нашей работы въ томъ отношеніи, что въ ней, по сколько возможно было отрѣшиться отъ субъективизма, представленъ будетъ обзоръ основной дѣятельности совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ, отношенія Совѣтовъ къ корпоративной жизни адвокатовъ, къ ихъ строю и вообще нормированію условій работы и дѣятельности членовъ сословія, о сословномъ судѣ и сословной этикѣ.

Въ этой же части будетъ представлена жизнь адвокатуры съ точки зрѣнія внѣшнихъ условій ея существованія, объ идеалахъ и стремленіяхъ ея членовъ, о вопросахъ, волновавшихъ и интересовавшихъ сословіе, объ адвокатской средѣ, о корпоративномъ общеніи и о современномъ экономическомъ положеніи адвокатуры.

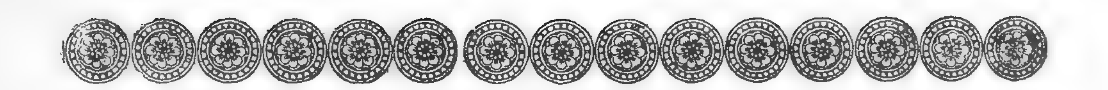
Четвертая часть посвящается памяти блестящихъ представителей русской присяжной адвокатуры; здѣсь же мы помѣщаемъ біографіи и воспоминанія о дѣйствующей плеядѣ представителей русской адвокатуры, жизнь и дѣятельность которыхъ была на виду всего русскаго общества и тѣхъ, съ которыми въ теченіе 18-ти лѣтъ, намъ приходилось совмѣстно работать и поддерживать добрыя товарищескія отношенія.

Въ третьей и четвертой главахъ этой части мы даемъ мѣсто „pro doma sua“ и пожеланіямъ сословной адвокатурѣ.

Насколько достигнуты будутъ нами эти цѣли — пусть судятъ наши товарищи и читатели.

Д. Бородинъ.

20 Ноября 1914 г.

I.

Въ Аѳинахъ существовали извѣстнаго рода сборники законовъ въ формѣ записей и регистровъ судейскихъ писцовъ, но эти сборники не были общественнымъ достояніемъ. Кромѣ того законы въ этихъ сборникахъ изобиловали противорѣчіями. Такимъ образомъ, прежде всего трудно было запастись полнымъ собраніемъ этихъ записей и регистровъ, и затѣмъ не менѣе трудно было разобраться въ этомъ лабиринтѣ. Законодательство представляло собой огромный арсеналъ, въ которомъ каждый могъ выбирать себѣ любое оружіе. Изученіе права не было предметомъ постояннаго и правильнаго преподаванія. Каждый узнавалъ какъ нибудь, какъ могъ, необходимый ему текстъ закона. Самые законы были кратки и довольно ясны, относясь всегда почти къ опредѣленному случаю. Судебные ораторы толковали ихъ обыкновенно по своему, не стѣсняясь измѣнять текстъ и нисколько не заботясь о согласіи съ другимъ толкованіемъ, хотя бы получившимъ классическое значеніе

Мнѣнія аѳинскихъ юрисконсультовъ не получали, какъ это было въ Римѣ, силы закона. Здѣсь не было и римскаго института преторства, который оказалъ такую огромную услугу римской юриспруденціи.

Слабость аѳинской юриспруденціи объясняется недостатками политическаго и правового строя республики.

Начало судебнаго краснорѣчія относится ко временамъ Солона и отцомъ этого рода искусства былъ одинъ изъ семи мудрецовъ Греціи, а именно Біасъ, который по свидѣтельству Діогена Лаерція былъ усерднымъ и краснорѣчивымъ адвокатомъ, а затѣмъ Ѳемистоклъ, страстно предавшійся теоріи и практикѣ процесса. Они и являются родоначальниками, положившими начало судебныхъ ораторовъ Греціи, римскихъ патроновъ и адвокатовъ.

Въ Сиракузахъ впервые были выработаны и извѣстныя правила для судебнаго краснорѣчія.

Солонъ ввелъ установленіе, обязывавшее каждаго защищать свое дѣло лично передъ трибуналомъ; никакая замѣна въ этомъ случаѣ не допускалась, точно также, какъ въ исполненіи воинскаго долга.

Соблюденіе закона на практикѣ оказалось фактически невозможнымъ и повело къ тому, что создалась одна лишь фикція защиты своихъ дѣлъ, обратившіяся затѣмъ въ сдѣлки кліентовъ съ судебными ораторами. Кліентъ дѣйствительно

являлся одинъ передъ судьями и говорилъ самъ, но онъ только повторялъ рѣчь, написанную или составленную какимъ нибудь ораторомъ или софистомъ—знатокомъ права и практики судопроизводства. Между ораторомъ и кліентомъ устанавливались выгодныя соглашенія, въ которыя каждый находилъ свой разсчетъ. Кліентъ поддерживалъ существованіе оратора, а послѣдній являлся его пособникомъ и союзникомъ.

Рядъ же лицъ, являвшихся передъ судьями и оказавшіяся безусловно неспособными дать надлежащія объясненія, привели къ тому, что вмѣсто нихъ судьямъ предоставлено было право давать объясненіе тому изъ присутствовавшихъ, кто добровольно возьметъ на себя эту обязанность или тому оратору, кого назоветъ по имени кліентъ. Такого рода „добровольцемъ“ или ораторомъ являлся *логографъ*, внезапно выступавшій изъ аудиторіи, какъ Deus ex machina и съ дозволенія судей произносившій свою реплику или *дефтерологію* въ пользу кліента.

Такая система, безъ сомнѣнія, была вполнѣ удобна, но помощь логографа обусловливалась, конечно обходомъ закона и носила характеръ тайны и такимъ образомъ ускользала отъ репрессіи. Но она вела къ недостойнымъ пріемамъ и наивнымъ ухищреніямъ, а потому профессія логографовъ стала внушать недовѣріе. Самое названіе это стало жестокой обидой. Ораторы бросали его въ лицо другъ другу, какъ бранное слово. Но оружіе скоро притупилось и про-

фессія логографовъ — пріобрѣла права гражданства *).

Не чуждъ былъ этой профессіи и знаменитый Демосѳенъ.

Къ сознаніи истинной цѣли ораторскаго искусства и особенно судебнаго краснорѣчія аѳинскіе граждане пришли, благодаря Периклу. По свидѣтельству Фукидида, Периклъ довелъ до совершенства свое краснорѣчіе. Аристофанъ зоветъ его олимпійцемъ, съ сверкающими во время рѣчи зубами и глазами, бросающими грозные молніеносные взгляды.

Его пріемы во время рѣчи были исполнены достоинства и сдержанности. Онъ появлялся на трибунѣ, завернутый въ тогу, переброшенную черезъ правую руку.

Его общественное положеніе не позволяло ему защищать обыкновенные интересы и подводить величіе своего таланта до уровня незначительныхъ процессовъ. Онъ выступалъ только въ крупныхъ процессахъ, въ числѣ которыхъ наиболѣе громкими были возбужденные противъ Аноксагора и Аспазіи, по обвиненію въ нечестіи.

Среди другихъ судебныхъ ораторовъ классическаго міра, слѣдуетъ указать на Антифана, который посвятилъ себя всецѣло практикѣ и обученію правиламъ судебнаго краснорѣчія.

Лизій представлялъ собой наиболѣе законченный типъ логографа. Рѣчь его отличалась выра-

---

*) А. Морилло и Г. Дебенъ: „Судебные ораторы въ древнемъ мірѣ“ (переводъ съ французскаго) 3 изданіе Я. Контаровича СПБ. 1899, стр. 11.

зительностью, стильностью и эпическими красотами.

Изократъ принадлежалъ къ категоріи логографовъ, Хотя онъ въ своихъ рѣчахъ, съ негодованіемъ относился къ этой низкой и непріятной профессіи, и если прибѣгалъ къ ней, то только по необходимости. Какъ почти всѣ ораторы, онъ любилъ роскошь и удовольствія, а эта жизнь требовала большой достатокъ. Онъ былъ чутокъ не только къ прелести слова, но и къ красивымъ оборотамъ рѣчи.

Въ противоположность Изократу, относившагося съ презрѣніемъ къ профессіи логографа, хотя часто и прибѣгавшаго къ ней,—Исей напротивъ всю свою славу полагалъ въ томъ, что посвятилъ себя этой дѣятельности всецѣло. Онъ былъ одинъ изъ немногихъ знатоковъ права, которыми гордятся Аѳины. Исей былъ исключительно логографомъ и юрисконсультомъ. Послѣднее званіе было такъ мало чтимо, что скорѣе способствовало бы забвенію его имени, чѣмъ сохраненію его въ памяти потомства, если бы онъ не былъ учителемъ Демосѳена.

Судебное краснорѣчіе обязано Исею существеннымъ прогрессомъ. Онъ сообщилъ ему болѣе живой и воинственный характеръ. Исей представлялъ совершеннѣйшій образецъ дѣлового адвоката, занятаго исключительно мыслью объ интересахъ кліента, думающаго только о томъ, чтобы выразить стройно и сильно тѣ доводы, на которые опирается кліентъ, и разрушить основанія

противника. Къ Исею ирибѣгали особенно въ процессахъ о наслѣдствѣ, такъ какъ спорныхъ послѣдственныхъ дѣлъ въ Аѳинахъ было чаще, чѣмъ гдѣ либо.

Въ чпслѣ судебныхъ ораторовъ занималъ почетное мѣсто Ликургъ, одинъ изъ немногихъ, которые отказались вовсе отъ профессіи логографа. Богатство позволяло ему не искать наживы, а строгость его нрава запрещала ему принимать участіе въ обходѣ закона.

Политическія дѣла болѣе подходили къ его таланту, одаренному болѣе страстностью, чѣмъ логикой. Въ общемъ Ликургъ былъ славнѣйшимъ представителемъ судебнаго краснорѣчія, онъ сообщилъ ему особенную полноту и величіе.

Въ числѣ судебныхъ ораторовъ надо отмѣтить Эсхина прославившагося въ процессѣ Тимарка, котораго защищалъ Демосѳенъ. Этотъ процессъ установилъ непримѣримую ненависть между Эсхиномъ и Демосѳеномъ.

Среди всѣхъ перечисленныхъ судебныхъ ораторовъ древняго міра—пальма первенства несомнѣнно принадлежитъ Демосѳену.

Хрупкій и нѣжный по организаціи, онъ не питалъ страсти къ играмъ и упражненіямъ. Онъ держался въ сторонѣ отъ товарищей и въ этомъ одиночествѣ умъ его ожесточился и онъ выработалъ въ себѣ привычку къ той рѣзкой суровости, которую онъ впослѣдствіи такъ ярко обнаружилъ

Въ началѣ своей карьеры, онъ направилъ всѣ усилія на путь судебнаго краснорѣчія. Онъ старался преодолѣть всѣ трудности упражненія и, подъ руководствомъ Исея, предался всей сложной гимнастикѣ краснорѣчія, соотвѣтственно требованіямъ того времени.

Демосѳенъ явился яркимъ представителемъ новой боевой судебной тактики. Прежняя галантная тактика въ лицѣ Демосѳена смѣняется новой практической и безпощадной, не озабоченной нисколько выборомъ средствъ, но имѣвшей въ виду одно только твердое рѣшеніе—безусловно завоевать окончательный успѣхъ въ дѣлѣ. Онъ не могъ сдерживать активной свой талантъ въ границахъ безплоднаго нанизыванія фразъ въ извѣстномъ порядкѣ. Ему нужна была борьба со всѣми ея волненіями, бурями и опьяненіями побѣды. Въ каждой рѣчи своей онъ проявлялъ весь избытокъ своего темперамента. Вибрація голоса и отзвукъ личнаго возбужденія давали чувствовать, что ему доставляло внутреннее удовлетвореніе эта игра ораторскаго искусства. Дѣло кліента становилось его собственнымъ, онъ какъ будто-бы забывалъ, что оно не касается его лично и глубоко чувствовалъ чужую обиду, и искренно негодовалъ на противника, какъ задѣтый лично. Если же противникомъ, являлся и его политическій противникъ, то гнѣвъ его находилъ тогда исходъ въ самыхъ разнообразныхъ выраженіяхъ; его суровость достигала крайняго предѣла; его тонъ становился рѣзкимъ и желчнымъ, его на-

падки расчленяются съ неутомимою точностью и опредѣленностью; его оскорбленія и острые сарказмы сыпались на голову противника и въ этомъ онъ находилъ дьявольское наслажденіе. Въ своихъ рѣчахъ онъ обнаруживалъ поразительную зрѣлость, опытъ, знаніе жизни и людей. Вступленіе въ его рѣчи всегда было просто и скромно. Изложеніе существа дѣла представляло совершенство точности и ясности; ни одно слово въ этомъ вступленіи не лишено было значенія. Затѣмъ начинаетъ чувствоваться энергія, сдержанная, скрытная и направленная вся къ концу, къ достиженію цѣли. Черезъ всю рѣчь пробѣгаетъ какъ бы одинъ потокъ негодованія, одушевляющей всѣ слова, и этотъ глухой гнѣвъ разражался наконецъ въ заключеніи рѣчи и въ заключительныхъ словахъ реплики. Тутъ Демосѳенъ притихалъ, тонъ его рѣчи становился теплѣе и онъ рисовалъ передъ судьями тяжелое положеніе, въ которое поставило бы его потеря процесса. Потомъ, не желая кончать этимъ призывомъ къ состраданію, онъ заключалъ нѣсколькими кроткими словами, но исполненными достоинства, обращаясь уже исключительно къ справедливости судей*).

Демосѳенъ, несомнѣнно, представлялъ собою наиболѣе законченный типъ геніальнаго человѣка. Этотъ человѣкъ представляетъ наилучшій примѣръ того, что можетъ сдѣлать воля въ приложеніи къ таланту, отъ природы богатому и

*) Ibidem, стр. 60—61.

сильному, но сырому и несовершенному. Едва-ли кто больше его боролся и страдалъ ради того, чтобы научиться управлять тѣмъ богомъ, котораго онъ носилъ въ себѣ. Поэтому можетъ быть и сіяетъ такимъ блескомъ его имя и его слава проходитъ вѣка, не встрѣчая даже попытки къ ея умаленію.

Вмѣстѣ съ Демосѳеномъ умерло и судебное краснорѣчіе Греціи. Аѳины какъ бы истощили всѣ свои силы, давъ жизнь такому оратору, какъ Демосѳенъ.

Впродолженіе первыхъ пяти вѣковъ, Римъ не зналъ судоговоренія, знаніе законовъ и процесса составляло привиллегію патриціевъ; нуждавшійся въ защитѣ своихъ интересовъ прибѣгалъ къ судебному патронату патриціевъ, которые обязаны были вести его дѣло безвозмездно. Такимъ образомъ, въ эту эпоху соціальныя условія жизни римлянъ не могли создать почвы для возникновенія свободной и независимой профессіи адвоката.

Затѣмъ когда Римъ сталъ приходить въ болѣе тѣсное соприкосновеніе съ Греціей, римляне стали знакомиться съ искусствами побѣжденнаго народа и краснорѣчіе, какъ искусство, переходитъ и на форумъ Рима. Это былъ полный расцвѣтъ римской республики и всѣхъ ея свободныхъ учрежденій.

Въ этотъ же періодъ получаетъ свое громадное значеніе римскій институтъ преторства.

Своимъ вмѣшательствомъ и своимъ личнымъ правомъ, которое оставляло за преторомъ иниціативу рѣшенія, въ каждомъ дѣлѣ, онъ вносилъ въ процедуру суда методъ и извѣстный формализмъ, безъ которыхъ немыслимо настоящее правосудіе. Въ рукахъ претора сосредоточивалась гармонія и единство какъ въ законодательствѣ, такъ и въ практической юриспруденціи. Но что самое важное это то, что римскій судъ не состоялъ изъ людей взятыхъ случайно въ толпѣ невѣждъ, но представлялъ небольшое организованное сословіе, которое пополнялось избранными людьми, занимавшими высокое мѣсто по уму и соціальному положенію, чего въ Аѳинахъ не было. Институтъ преторства оказалъ громадную услугу римской юриспруденціи.

Въ эту пору не было корпораціи адвокатовъ въ настояшемъ смыслѣ слова, и организаціи этой, какъ сословія, Римъ и не создалъ, но политическій строй республики, обширность ея владѣній съ централизаціей правосудія въ вѣчномъ городѣ— создали арену римскаго форума, куда стекались самые крупные процессы извѣстнаго тогда міра и вызвали къ жизни дѣятельность судебныхъ ораторовъ. Карьера адвоката была открыта каждому, кто обладалъ соотвѣтственнымъ талантомъ. Каждый имѣлъ право говорить на судѣ, не сдавая никакого экзамена, чтобы получить доступъ къ трибунѣ. Отъ нихъ не требовалось вовсе, чтобы они на судѣ обнаруживали юридическія познанія. Послѣднія составляли удѣлъ юрисконсультовъ,

особыхъ повѣренныхъ во многомъ, по своей дѣятельности и участію въ подготовительной стадіи процесса — напоминающіе намъ французскихъ avoué. Юрисконсульты составляли прошенія и записки по вопросамъ права, но лично они не выступали. Самъ Цицеронъ, хотя зналъ прекрасно право, но выражался о немъ съ пренебреженіемъ. Адвокатскаго гонорара не существовало. Законъ запрещалъ адвокатамъ принимать деньги или подарки за ихъ защиту. Но краснорѣчивая защита вознаграждалась извѣстностью, общественными должностями, назначеніями въ управленіе провинціями, которое, какъ мы знаемъ, щедро вознаграждалось.

Всѣ выдающіеся адвокаты Рима направляли свой талантъ для достиженія общественныхъ должностей. Сословнаго надзора за дѣятельностью адвокатовъ не было, такъ какъ адвокаты Рима не сорганизовались въ отдѣльную корпорацію.

Такимъ образомъ, адвокатское званіе было болѣе доступное и менѣе требовательное въ смыслѣ научной подготовки, чѣмъ въ наше время и открывало доступъ къ этой профессіи всѣмъ желавшимъ играть общественную или политическую роль и стремившимся къ популярности. Всѣ люди таланта, которыми такъ славился Римъ, всѣ знаменитѣйшіе политическіе дѣятели и полководцы — Помпей и геніальный полководецъ-писатель Цезарь — всѣ были, каждый, въ свое время адвокатами. Адвокатское званіе—это былъ вѣрный путь къ почестямъ.

Изъ всего состава римскихъ адвокатовъ только незначительная часть интересовалась политикой и посвящала себя исключительно политическимъ процессамъ. Большинство же было профессіональными адвокатами и занималось исключительно веденіемъ судебныхъ дѣлъ. Римскій форумъ непрестанно оглашался процессами по обвиненію въ вымогательствѣ, насиліи, пристрастіи и измѣнахъ, и недостатка въ кліентурѣ не ощущалось. Многія страницы исторіи Рима испещрены судебными дѣлами.

Громкіе судебные процессы находили соотвѣтственную аудиторію. Адвокатамъ приходилось говорить не въ душныхъ казематахъ современныхъ намъ зданіямъ судебныхъ установленій, а подъ открытымъ небомъ и въ присутствіи всего народа. Аудиторія была обширна и весь Римъ представлялъ эту аудиторію. Нигдѣ не представлялось столько случаевъ для оратора блеснуть краснорѣчіемъ, какъ на форумѣ—въ присутствіи волнующагося народа, передъ лицомъ столькихъ памятниковъ — свидѣтелей исторіи этого народа, на глазахъ Рима съ его прошлымъ и настоящимъ.

Обширная аудиторія поднимала настроеніе оратора, поддерживала вдохновеніе и побуждала его возвышаться до общихъ идей и вѣчныхъ истинъ. Благодаря толпѣ и обстановкѣ форума создавалась живая пластика рѣчи. Самой природѣ римлянъ свойственъ былъ ораторскій талантъ. Они обладали отъ рожденія экспансивнымъ темпе-

раментомъ, живостью представленія и жестовъ. Древніе римляне считали жестъ и искусство произнесенія рѣчи не только необходимымъ условіемъ краснорѣчія, но и главнымъ достоинствомъ оратора. Эти внѣшніе пріемы давали оратору славу, силу и вліяніе, дѣлали его понятнымъ всѣмъ, доступнымъ вниманію и позволяли увлекать слушателей въ самый водоворотъ рѣчи.

Ораторское искусство изучалось адвокатами основательнѣе, чѣмъ право. Древній міръ считалъ необходимымъ для оратора изученіе исторіи, психологіи, риторики и т. д. Въ области нравственныхъ наукъ и искусствъ, римскіе адвокаты были весьма свѣдущи. Они постоянно изучали созданія великихъ мастеровъ, много читали, изучали живую рѣчь и упражнялись въ сочиненіяхъ на разныя темы. Образованіе адвоката завершалось путешествіемъ, посѣщеніемъ тѣхъ странъ, откуда приходилъ свѣтъ знанія, особенно Греціи — классической страны наукъ и искусствъ.

Къ каждой защитѣ римскій адвокатъ подготовлялся самымъ старательнымъ образомъ и подвергалъ свою рѣчь обработкѣ во всѣхъ деталяхъ.

Въ блестящей плеядѣ судебныхъ ораторовъ Рима выдѣляется Катонъ своимъ честнымъ служеніемъ общему благу республики. Онъ былъ человѣкомъ науки и знаній и въ то же время моралистомъ, историкомъ, агрономомъ, ораторомъ и юрисконсультомъ. Въ его лицѣ олицетворялся геній Рима во всемъ его строгомъ величіи.

Послѣ Катона судебными рѣчами выдвинулись Антоній и Крассъ. Преданность Антонія интересамъ кліента была чрезмѣрна и онъ жертвовалъ всѣмъ рѣшительно для успѣха, употребляя рѣшительно всѣ средства, чтобы достигнуть этого успѣха.

Крассъ уступалъ Антонію, какъ адвокатъ, но онъ превосходилъ его, какъ политическій ораторъ. До появленія Цицерона среди адвокатовъ Рима, Гортензій занялъ первенствующее мѣсто. Внѣшность Гортензія производила чарующее впечатлѣніе; его голосъ отличался пріятностью и ровностью, его манера—достоинствомъ, жестъ—одушевленіемъ и гибкостью. Его рѣчь изящная и легкая отъ природы—отличалась пріемами построенія. Онъ умѣло выдѣлялъ главнѣйшіе пункты, подвергалъ разбору одинъ за другимъ всѣ доводы противной стороны, оспаривалъ ихъ шагъ за шагомъ и въ краткомъ резюме представлялъ новые аргументы, неоставлявшіе мѣста для возраженій.

Гортензія смѣняетъ—гордость и слава римскихъ адвокатовъ—Цицеронъ, предъ которымъ блѣднѣютъ всѣ знаменитые ораторы классическаго міра и имя котораго стало синонимомъ краснорѣчія въ потомствѣ. Его достоинства, отчасти врожденныя, постоянно развивались, благодаря неутомимой работѣ, не ослабѣвавшей никогда отъ юности до старости; краснорѣчіе его исходило отъ сердца, форумъ былъ для него школой и онъ усовершенствовалъ свой талантъ

подъ вліяніемъ уроковъ Греціи; онъ пріобрѣлъ разностороннія знанія, ознакомился со всѣми отраслями литературы и оставилъ свидѣтельство широкаго образованія въ превосходныхъ произведеніяхъ, служащихъ потомству и до нынѣ источникомъ поученія *).

Нигдѣ и ни въ чемъ Цицеронъ не являлся такимъ великимъ, какъ въ его судебныхъ рѣчахъ. Въ этихъ рѣчахъ сказались всѣ лучшія его качества и краснорѣчіе его на адвокатской трибунѣ не имѣло себѣ равнаго примѣра даже у Демосѳена.

Цицеронъ никогда не продавалъ за деньги свою защиту. Онъ выступалъ на трибунѣ только повинуясь благороднѣйшимъ побужденіямъ благодарности, дружбы, общественнаго интереса. Принимая дѣло онъ отдавался ему до самоотверженія и въ особенности придавалъ значеніе тщательной подготовкѣ къ защитѣ.

Цицеронъ придавалъ значеніе труду и считалъ общее образованіе настолько важнымъ, что какъ онъ самъ говорилъ, онъ научился краснорѣчію не въ школахъ риторовъ, а въ садахъ академіи. Высокаго роста, съ чертами лица мужественными и правильными, онъ обладалъ такимъ открытымъ и яснымъ взглядомъ, что внушалъ къ себѣ любовь и уваженіе. Онъ отличался бурной силой слова, его краснорѣчіе главнѣйшимъ образомъ обязано своимъ могуществомъ двумъ качествамъ—уму и пафосу. Онъ съ одинаковымъ успѣхомъ призывалъ на помощь смѣхъ и слезы.

*) Ibidem, стр. 105.

Цицеронъ завѣщалъ своимъ преемникамъ— любовь къ свободѣ и непоколебимую вражду къ насилію.

Со временъ Ульпіана наступилъ переломъ въ профессіональной жизни римской адвокатуры. Регламентація Ульпіана коснулась вопроса о гонорарѣ за трудъ адвоката, признавая, что всякая профессія должна давать средства къ жизни, а потому и трудъ адвоката долженъ вознаграждаться. Началась серьезная работа и изученіе писаннаго разума—римскаго права. Безплатная декламація уступаетъ мѣсто—строгому анализу доктринъ права. Мало, по малу въ строй жизни адвокатовъ входятъ тѣ основы, которыя служатъ базисомъ современной адвокатуры. Образовывается корпорація—„адвокатское сословіе", съ установленіемъ правилъ допущенія въ его составъ и вводится дисциплинарная отвѣтственность.

II.

Нигдѣ государство не принимало и не принимаетъ такъ мало участія въ устройствѣ и въ управленіи адвокатскаго сословія, какъ въ Англіи.

Англійская адвокатура представляетъ чрезвычайно много особенностей, ей одной свойственныхъ.

Говоря объ адвокатахъ, употребляютъ слово корпорація; въ полномъ значеніи и объемѣ оно приложимо только къ англійскимъ адвокатамъ. Корпорація англійскихъ адвокатовъ обязана своимъ происхожденіемъ борьбѣ національныхъ элементовъ съ пришлыми, принесенными въ Англію чужеземнымъ духовенствомъ, пришедшимъ съ норманами. Когда норманы завоевали Англію, въ ней были уже довольно крѣпкіе законы и обычаи. Поэтому римскіе законы и папскія постановленія, принесенные новымъ чуждымъ народу духовенствомъ, встрѣчены были враждебно. Воплотителями народнаго духа и хранителями ста-

раго права явились адвокаты. Въ XIII столѣтіи произошла важная перемѣна въ англійскомъ судоустройствѣ, которая выдвинула на первое мѣсто представителей народнаго права. До этого времени верховный судъ страны, связанный съ лицомъ короля, не имѣлъ постояннаго мѣстопребыванія, и безпрестанно мѣнялъ свое мѣсто. Уже великая хартія узаконила, чтобы верховному суду общаго права, какъ великому трибуналу, назначенному для рѣшенія споровъ, касающихся собственности, опредѣлено было разъ навсегда постоянное мѣсто. На этомъ основаніи вестминстерскій замокъ назначенъ былъ для засѣданія трехъ высшихъ королевскихъ судовъ. Въ этихъ судахъ дѣйствовало общее англійское право, неизвѣстное духовнымъ. Вслѣдствіе этого судейскія мѣста предоставлены были свѣтскимъ людямъ и скоро даже закономъ запрещено было духовнымъ занимать эти мѣста. Съ утвержденіемъ постояннаго мѣстопребыванія судовъ, адвокаты получили возможность сосредоточить и свои силы. И дѣйствительно, скоро послѣ этого адвокаты слагаются въ корпораціи, пріобрѣтаютъ въ сосѣдствѣ судовъ землю и основываютъ извѣстныя и до сихъ поръ коллегіи или, такъ наз., Inns of Court. Первоначально это былъ замкнутый союзъ людей, которыхъ главное призваніе состояло въ изученіи, охраненіи и защитѣ отечественнаго права. Та же необходимость, которая породила въ средніе вѣка цѣхи, связала и англійскихъ адвокатовъ, необходимость — соединеніемъ силъ, вы-

работкою общаго духа и общихъ интересовъ, взаимною поддержкою — защищать себя отъ нападеній власти или другихъ классовъ общества *).

Въ настоящее время Inns of Court имѣютъ двоякую задачу; практическое приготовленіе къ адвокатскому званію и вмѣстѣ съ тѣмъ теоретическое изученіе права.

Inns of Court состоитъ изъ четырехъ коллегій (Inner Temple, Midle Temple, Lincoln's Inn и Gray's Inn). Названія свои онѣ получили отъ владѣтелей земли, на которой стоитъ зданіе, каждаго изъ этихъ учрежденій. Каждое изъ нихъ пользуется независимостью и самостоятельностью и управляетъ своими дѣлами на правахъ частнаго общества. Каждое учрежденіе имѣетъ свой совѣтъ управленія, состоящій изъ извѣстнаго числа такъ наз. Benchers или начальниковъ скамей. Во главѣ Совѣта стоитъ казначей, избираемый ежегодно изъ среды членовъ Совѣта. Послѣдніе не выбираются, а вступаютъ въ Совѣтъ по приглашенію членовъ. Въ рукахъ Совѣта находится все устройство учрежденія. Они принимаютъ новыхъ членовъ въ корпорацію, возводятъ студентовъ въ степень самостоятельныхъ адвокатовъ, или барристеровъ, наблюдаютъ за исполненіемъ законовъ и обычаевъ учрежденія, опредѣляютъ дисциплинарныя наказанія и распоря-

---

*) А. Ф. Кистяковскій. Адвокатура во Франціи, Англіи и Германіи. Ж. М. Ю., т. XVII, ч. II, стр. 282.

жаются корпоративной казной, сумма которой очень значительна. Власть Совѣтовъ огромная и она въ нѣкоторыхъ случаяхъ ограничивается только надзоромъ и вмѣшательствомъ пятнадцати судей. Недовольные рѣшеніемъ Совѣта обращаются къ этимъ судьямъ, при чемъ судьи эти дѣйствуютъ не какъ королевскіе судьи или представители государства, а скорѣе какъ бывшіе члены корпораціи, интересы которой имъ дороги и знакомы, такъ какъ всѣ они прошли черезъ эту школу.

До послѣдняго времени въ Англіи, для поступленія въ общину адвокатовъ, не требовалось юридическаго образованія и даже представленія доказательствъ объ общемъ образованіи поступающаго. Только съ поступленія въ общину начинается собственно юридическое образованіе будущаго адвоката. Основу этого образованія составляютъ практическія занятія. Главное вниманіе обращается на личныя качества кандидата и то, въ какой мѣрѣ онъ сжился съ духомъ общины, принялъ правила, проникся ея интересами. До послѣдняго времени лучшимъ для этого средствомъ считалось присутствіе молодого общинника на общихъ обѣдахъ. Въ старину общинные обѣды были только частнымъ выраженіемъ корпоративной, совмѣстной жизни. Тогда молодой человѣкъ, вступая въ адвокатскую корпорацію, въ полномъ значеніи слова жилъ общинною жизнью. Онъ жилъ въ общинномъ зданіи, обѣдалъ за общимъ столомъ; трудъ, отдыхъ,

удовольствіе все было проникнуто общиннымъ духомъ; корпорація имѣла свои праздники. Общины англійскихъ адвокатовъ — были status in statu, отличавшіяся замкнутостью, исключительностью; члены этого государства имѣли на все свои законы и обычаи: какъ держать себя внѣ общины, какъ вести себя за общимъ столомъ, какія цвѣта и какой покрой соблюдать въ одеждѣ, какой формы носить бороду.

Съ развитіемъ жизни и отношеній, съ водвореніемъ общегосударственной безопасности, формы прежней общинной жизни должны были пасть. Одно только удержано было, для поддержанія корпоративнаго духа, — это общинные обѣды, которые до сихъ поръ сохранили значеніе и совершаются съ особенною торжественностью. Обѣды эти являются однимъ изъ средствъ образованія адвоката.

На обѣдахъ этихъ не говорятъ ex officio о юридическихъ наукахъ и нѣтъ ученыхъ юридическихъ диспутовъ, но здѣсь ведутся тѣ непринужденные и живые разговоры, которые во всѣ времена и у всѣхъ народовъ были лучшимъ проводникомъ мыслей, которые по формѣ и разнообразію кажутся поверхностны, но по вліянію на молодые умы бываютъ плодотворнѣе самыхъ тяжеловѣсныхъ и высокоученыхъ трактатовъ. Здѣсь молодой человѣкъ встрѣчается и знакомится съ знаменитостями суда и адвокатуры и, конечно, выноситъ изъ этого знакомства пользу; здѣсь завязываются прочныя связи между моло-

дежью безъ которыхъ невозможно процвѣтаніе ни одной дѣятельности; здѣсь въ простомъ разговорѣ передается практическая мудрость, выработанная вѣками — и молодой человѣкъ незамѣтно для себя входитъ въ интересы общества, проникается его духомъ. Въ этомъ учрежденіи сказывается простой, но могучій геній англійской націи, которая не подымается на ходули, но простыми, обыденными путями доходитъ до великихъ открытій во всѣхъ отрасляхъ жизни *).

Но не на однихъ обѣдахъ англійскій адвокатъ получаетъ практическое образованіе. Участвуя на этихъ обѣдахъ онъ усваиваетъ только общую идею своей дѣятельности, тотъ духъ, который заставляетъ его идти къ опредѣленной цѣли и оплодотворяетъ его практическія занятія. Самой же адвокатской практикѣ, всѣмъ ея техническимъ тонкостямъ и пріемамъ, молодой человѣкъ учится въ адвокатской конторѣ, для чего онъ, вмѣстѣ со вступленіемъ въ общину, поступаетъ въ качествѣ помощника къ какому нибудь адвокату. Руководящій адвокатъ въ отношеніи къ своему ученику есть то, что университетскій туторъ для студента университета: разница состоитъ только въ томъ, что туторъ изъ руководительства дѣлаетъ ремесло, которымъ живетъ; для адвоката же оно не есть предметъ особыхъ занятій. Практическія занятія практиканта состоятъ въ ежедневномъ посѣщеніи конторы своего патрона, гдѣ онъ первоначально занимается

*) Ibidem, стр. 287.

перепискою документовъ и др. судебныхъ бумагъ. Впослѣдствіи ему поручаютъ небольшія работы, требующія умственнаго труда и относительно нѣкоторыхъ случаевъ спрашиваютъ его мнѣнія. Если около какого нибудь адвоката сгруппируется нѣсколько молодыхъ практикантовъ, учреждаются конференціи, на которыхъ рѣшаются разные вопросы, разсматриваются судебные случаи, при чемъ говорятъ за и противъ. Англійскій „стажъ" создался внѣ всякой зависимости отъ чиновничьей и частной службы: адвокаты тамъ готовятся въ рядахъ самаго сословія, въ учрежденіяхъ „Inns of Court", которыя собственно говоря, не представляютъ собою ни университета, ни практической школы, но которыя совмѣщаютъ то и другое. Возникшія въ XIII столѣтіи эти учрежденія — судебныя коллегіи въ качествѣ университетовъ обычнаго права, не перестаютъ быть университетами и донынѣ, но эти университеты не только готовятъ исключительно адвокатовъ: они сами по себѣ есть то, что мы на континентѣ называемъ адвокатской корпораціею во всемъ ея объемѣ.

По истеченіи трехгодичнаго срока кандидатъ подвергается экзамену по римскому и англійскому праву, и затѣмъ, по особому старинному церемоніалу, при участіи двухъ „крестныхъ отцовъ", принимается въ сословіе, т. е. совѣтомъ старѣйшинъ (Benchers), сосредоточивающимъ въ своихъ рукахъ всѣ административныя и дисциплинарныя функціи.

Такія условія жизни создаютъ стажъ безъ особой законодательной его регламентаціи. Обѣ задачи, которымъ совѣтъ старѣйшинъ призванъ удовлетворять—усвоеніе нравственныхъ принциповъ профессіи и внесеніе практическаго элемента въ познаніе стажьера—исполняются одновременно уже въ эпоху прохожденія того, что мы называемъ на континентѣ университетскимъ курсомъ. Стажъ является созданіемъ самого сословія, результаты его не ставятся въ зависимость отъ случайнаго подбора умѣлаго и добросовѣстнаго патрона: само сословіе принимаетъ питомца подъ свое покровительство, учитъ и наставляетъ его.

Всякому предоставляется пріобрѣтать навыкъ въ дѣлахъ и путемъ занятій у болѣе опытнаго адвоката, но это—дѣло личнаго усмотрѣнія и свободнаго выбора. Обычай заниматься у болѣе опытныхъ адвокатовъ имѣетъ даже значительное распространеніе, но дурныя его стороны отсутствуютъ не только потому, что онъ не обязателенъ и вслѣдствіе этого не преграждаетъ доступа въ сословіе тѣмъ, кто не въ состояніи обрѣсти себѣ покровителя, но и потому, что внутренній недостатокъ личной связи ученика съ покровителемъ—односторонность усвояемыхъ пріемовъ и воззрѣній—парализуется сословною атмосферою, всецѣло окутывающею юнаго питомца съ первыхъ его шаговъ въ сословіи *).

Членъ адвокатской общины, исполнившій всѣ условія своей коллегіи, по достиженіи 21 года,

*) М. Винаверъ: «Очерки объ адвокатурѣ». Спб., 1902, стр. 50—51.

имѣетъ право просить о принятіи его самостоятельнымъ адвокатомъ, или о возведеніи въ степень барристера Barrister at law. Названіе это означаетъ члена практикующей адвокатской общины Bar и есть вмѣстѣ съ тѣмъ первая ученая степень общаго англійскаго права, соотвѣтствующая степени бакалавра гражданскаго права Званіе это пользуется бо́льшимъ уваженіемъ, чѣмъ всякое другое. Кромѣ степени барристера, есть еще высшая адвокатская степень Serjeant at law, serviens ad legum, соотвѣтствующая доктору гражданскаго права. Получившій эту степень перестаетъ быть членомъ одной изъ Inn of Court и поступаетъ въ такъ наз., корпорацію Serjeant's Inn. Достиженіе этой степени не зависитъ ни отъ экзамена, ни вообще отъ воли адвоката. Она дается знаменитымъ и извѣстнымъ своими общественными заслугами барристерамъ. Въ Англіи производство судебнаго дѣла раздѣляется на двѣ части и часть внѣшняя, формальная, самое веденіе дѣла принадлежитъ солиситору и атторнею, а разрѣшеніе дѣла и судебныя пренія лежатъ на обязанности барристера. Настоящіе представители тяжущихся сторонъ собственно атторнеи и солиситоры: они не юристы, а дѣловые люди, знающіе всю технику процесса. Получивъ уполномочіе отъ тяжущихся, и весь матеріалъ дѣла, они сами уже ведутъ переписку съ противной стороной, съ судомъ, сами вступаютъ въ переговоры съ барристеромъ. Въ Англіи ни одинъ процессъ не начинается безъ со-

вѣта адвоката. Давать совѣтъ есть первое, хотя и не главное дѣло англійскаго адвоката. Самая же важная часть его дѣятельности—это словесная защита передъ судомъ интереса тяжущейся стороны. При полной публичности суда, при совершенной свободѣ слова, она имѣетъ самое важное значеніе въ процессѣ и отодвигаетъ на задній планъ довольно сложное и разнообразное производство, находящееся въ рукахъ атторнеевъ. Барристеръ имѣетъ право быть защитникомъ во всѣхъ судахъ королевства и во всѣхъ дѣлахъ. Никто другой, кромѣ получившаго адвокатское образованіе въ одной изъ общинъ и возведеннаго въ степень барристера, не можетъ являться въ качествѣ адвоката въ лондонскихъ королевскихъ судахъ, въ палатѣ лордовъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда она превращается въ верховный судъ, и въ судахъ, открываемыхъ въ графствахъ два раза въ годъ королевскими судьями.

Нигдѣ адвокатъ не пользуется такою свободою слова, какою онъ пользуется въ Англіи. Въ интересѣ своего кліента, онъ можетъ дѣлать самыя рѣшительныя нападенія на своего противника: судья не отниметъ у него слова, если онъ пошлетъ горькій упрекъ противной сторонѣ; никто не потребуетъ его къ отчету за рѣзкость выраженій. Во время исполненія своей обязанности, англійскій адвокатъ, подобно члену палаты общинъ, не можетъ быть взятъ подъ арестъ. Такой защитою онъ пользуется не только, когда

онъ занятъ своимъ дѣломъ въ королевскомъ судѣ, но и тогда, когда онъ отправляется вмѣстѣ съ королевскимъ судьей въ объѣздъ, на засѣданія ассизовъ.

О томъ, какое положеніе занимаютъ англійскіе адвокаты — свидѣтельствуетъ намъ то, что всѣ судебныя мѣста замѣщаются исключительно ими.

III.

Французская адвокатура насчитываетъ 13-ти вѣковую исторію. Происхожденіе сословія адвокатовъ теряется во временахъ первыхъ зачатковъ французской государственности. Оно явилось тамъ не какъ учрежденіе закона, а какъ созданіе общества, и прежде чѣмъ государство начало вмѣшиваться въ устройство этого союза, адвокаты уже успѣли сложиться въ сословіе. Этотъ союзъ не былъ цѣхомъ или корпораціей— это слишкомъ низменно,—онъ именуется „сословіемъ", ordre съ такимъ же правомъ, съ какимъ имъ именовалось такъ рыцарство. Такое происхожденіе адвокатовъ должно было сообщить ихъ дѣятельности особенный характеръ, который они не утратили до настоящаго времени, несмотря на всѣ государственные перевороты во Франціи. „Для славы короля необходимо, говорилъ адвокатъ Омеръ Талонъ, (жившій въ малолѣтствѣ Людовика XIV), чтобы мы были людьми свободными, а не рабами; величіе его государства и

достоинство его короны измѣряется качествомъ тѣхъ, которые ей повинуются“ *).

Появленіе адвокатуры на историческомъ поприщѣ совпадаетъ съ возникновеніемъ борьбы между средневѣковымъ укладомъ жизни и новою централистическою государственною идеею. На мѣсто многоголоваго феодальнаго организма становился монархъ; исчезалъ членъ сословія, корпораціи, и на смѣну шелъ гражданинъ государства; на мѣсто партикулярныхъ правъ становилось единое, всеобщее право. Среди всего запасы культурныхъ средствъ, которыми обладало въ то время человѣчество, не было ни одного болѣе пригоднаго для осуществленія этой великой миссіи, чѣмъ римское право. Оно было воплощеніемъ античнаго генія и потому окружено ореоломъ особаго величія; оно было универсальнымъ правомъ универсальной монархіи; оно было такъ стройно и полно, что казалось, стоило только въ него углубиться и отвѣтъ на всѣ сомнѣнія пытливаго ума, на всѣ запросы совѣсти будетъ найденъ. Оно стало предметомъ религіознаго культа,—оно представлялось воплощеніемъ чистой идеи справедливости.

Проводники, насадители юридическихъ началъ—ученые легисты, адвокаты—не просто мастера опредѣленнаго ремесла, они священнослужители ордена. Сознавая святость своей миссіи, они сплачиваются въ союзъ, выдвигающійся изъ ряда прочихъ даже своимъ названіемъ—„сословіе адвокатовъ“.

*) А. Ф. Кистяковскій, стр. 256.

Адвокатура выступаетъ какъ сила творческая, глядящая въ будущее, созидающая идейное основаніе грядущему государству. Этой силѣ покровительствовали короли, передъ нею трепетали ѳеодалы *).

Послѣ упорной борьбы французская адвокатура получаетъ право суда и право составленія адвокатскаго списка, т. е. всего того, что является вѣнцомъ адвокатской автономіи.

Исторія французской адвокатуры изобилуетъ фактами самоотверженной защиты адвокатами жертвъ политическаго и соціальнаго угнетенія, изобилуетъ актами самоотверженія и со стороны всей адвокатской корпораціи, доказывающими, какъ сильно было въ ней сознаніе ея общественнаго служенія. Но... времена перемѣнились. Сплотившаяся воедино монархія почувствовала свою крѣпость; принципы права лишились въ глазахъ ея своей обаятельной силы; государство провозгласило само себя источникомъ права. Первый ударъ „сословію адвокатовъ" наносится ордонансомъ 1539 г. коимъ отнято была у подсудимаго право пользоваться защитою адвоката и введена была тайна въ уголовное судопроизводство. Несмотря на изданіе ордонанса, адвокаты не переставали оказывать свое содѣйствіе обвиняемымъ и судьи не противодѣйствовали этому, но при Людовикѣ XIV окончательно было уничтожено право защиты, при общемъ протестѣ адвокатовъ и судей. Съ этихъ поръ сфера дѣятельности французскихъ адвокатовъ была очень

*) М. Винаверъ, стр. 3.

стѣснена, и у адвокатовъ отнята была возможность дальнѣйшаго развитія: въ цѣломъ сословіи однакожъ и послѣ этого не вымерли преданія, выработанныя жизнью. Революція неблагопріятно относилась къ сословію адвокатовъ, выражая вообще нелюбовь ко всякимъ союзамъ, сословіямъ и корпораціямъ.

Въ эту эпоху завершается вся достойная полоса исторіи французской революціи. Революціонный режимъ грозилъ наводнить адвокатуру массою лицъ, чуждыхъ исконнымъ ея идеаламъ. „Эти люди, не имѣя никакого представленія о нашихъ принципахъ и нашей дисциплинѣ — говорили адвокаты — унизятъ нашу почетную дѣятельность и лишатъ ее прежняго благородства. Лучше уничтожимъ сами предметъ своей любви, чѣмъ предадимъ его обидамъ и оскорбленіямъ".

Въ учредительномъ собраніи 1789 г., несмотря на блестящую рѣчь Робеспьера въ защиту сохраненія независимости адвокатскаго сословія и ея прерогативъ,—вопросъ объ упраздненіи этого сословія былъ предрѣшенъ и тогда присутствовавшіе въ этомъ собраніи адвокаты сами подписали декретъ объ упраздненіи адвокатуры.

„Только при свѣтѣ такого высокаго сознанія адвокатами ихъ общественной миссіи и могъ, говоритъ г. Винаверъ, сложиться кодексъ поведенія, ставшій на долгое время евангеліемъ адвокатовъ всего міра, изъ побужденій будничной дѣловой порядочности не рождаются такіе кодексы" *).

*) М. Винаверъ, стр. 105,

Декретомъ 2 сентября 1790 г. вмѣстѣ съ уничтоженіемъ вещи, совершенно ненужной, особаго адвокатскаго костюма, было опредѣлено, что адвокаты не должны составлять сословія или корпорацію. Послѣдній ударъ адвокатскому сословію нанесенъ былъ конвентомъ, который провозгласилъ, что если законъ даетъ оклеветаннымъ патріотамъ защитниковъ въ лицѣ присяжныхъ патріотовъ, то онъ не можетъ дѣлать этого для заговорщиковъ. Послѣ этого граждане объявленные подозрительными—молча несли свою голову на эшафотъ.

Съ захватомъ власти Наполеономъ, не настали лучшія времена для французской адвокатуры. Солдатскій деспотизмъ его не могъ терпѣть никакой свободной дѣятельности, а тѣмъ болѣе адвокатской, самой независимой и въ то же время наиболѣе общественной. Императоръ сознательно не допускалъ возстановленія адвокатуры съ прежнимъ характеромъ независимости, силы и таланта. Составленный Трейляромъ проектъ адвокатской корпораціи потерпѣлъ полное крушеніе. По этому проекту адвокатская корпорація получила прежнія свои права: дисциплинарный совѣтъ и старшину по избраніи всѣхъ членовъ, право старшины созывать совѣтъ и наконецъ корпоративный списокъ. Наполеонъ отвергнулъ этотъ проектъ; онъ писалъ по этому поводу Комбассересу такъ: „Проектъ глупъ. Онъ не представляетъ никакихъ мѣръ и способовъ дѣйствія противъ адвокатовъ. Адвокаты, это—бунтовщики, артисты преступленій и измѣнъ;

пока при мнѣ шпага, я никогда не подпишу подобнаго декрета; я желалъ бы, чтобы была возможность отрѣзать языкъ тому адвокату, который употребитъ его противъ правительства". Дальше назадъ мысль человѣческая, говоритъ проф. А. Ф. Кистяновскій, не могла уйти и наглѣе нельзя было оклеветать одно изъ полезнѣйшихъ учрежденій человѣческаго общежительства.

Въ 1810 г. изданъ былъ законъ объ устройствѣ адвокатской корпораціи; этимъ закономъ она низведена была на степень второстепеннаго чиновническаго учрежденія, съ подчиненіемъ ея генералъ-прокурору, который назначалъ членовъ совѣта и старшину (bâtonnier), имѣлъ право по своей волѣ созывать адвокатовъ; ему же предоставлено было право „по своей власти и, смотря по случаю, какъ министру юстиціи налагать на адвоката дисциплинарныя взысканія, и даже исключать изъ списка. Адвокатамъ, подъ страхомъ наказанія, запрещено было собираться, для какихъ бы то ни было совѣщаній, по собственной волѣ.

Всѣ эти стѣсненія отмѣнены были законами 1822 и 1830 годовъ. По закону 1822 составленіе адвокатскаго списка возвращено было совѣту, при чемъ прокурору не предоставлено было право аппелляціи въ судъ на рѣшеніе адвокатскаго совѣта относительно принятія въ сословіе новыхъ членовъ. Этимъ закономъ, повтореннымъ закономъ 1830 года батонье, подобно членамъ совѣта, избирались всѣми адвокатами въ общемъ собраніи, по абсолютному большинству членовъ.

Законъ 1822 вмѣнялъ въ обязанность дисциплинарнымъ совѣтамъ поддерживать чувства вѣрности монархіи и конституціональнымъ учрежденіямъ и дѣйствительно, во времена реставраціи совѣтъ парижскихъ адвокатовъ нерѣдко преслѣдовалъ своихъ сочленовъ за убѣжденія. Но съ 1830 года духъ терпимости одержалъ побѣду и въ сословіи французскихъ адвокатовъ мы встрѣчаемъ представителей всѣхъ политическихъ и соціальныхъ партій.

Но самоуправленіе внутренними дѣлами недостаточно для полной независимости адвоката; онъ дѣйствуетъ въ кругу другихъ органовъ судебной власти и отъ того, какъ относятся къ нему эти органы, зависятъ свобода и независимость его слова.

Въ революціонное время, послѣ того и особенно въ эпоху абсолютизма Наполеона III, суды и судьи не всегда дружелюбно относились къ адвокатамъ и часто нарушали достоинство и независимость ихъ. Сложилось какое то враждебное настроеніе противъ адвокатуры; судьямъ адвокаты представляются существами, созданными изъ другого чѣмъ они матеріала и потому отношеніе ихъ къ адвокатамъ часто бываетъ надмѣнное высокомѣрное, при чемъ отмѣчается постоянное покушеніе ихъ на свободу рѣчи адвокатовъ; то они ихъ прерываютъ, грубо обрываютъ и останавливаютъ. Такое отношеніе судей является скорѣе слѣдствіемъ ихъ личныхъ недостатковъ, независимо отъ устройства судовъ,

такъ какъ лѣтописи адвокатскаго сословія сохранили много именъ извѣстныхъ судей, которые искренно уважали нравъ и независимость адвоката.

Гораздо опаснѣе для независимости адвоката въ судѣ и свободы его рѣчи были прокуроры. Прокуратура во Франціи была устроена и пропитана такими преданіями, что столкновенія между ею и адвокатурою были неизбѣжны. Это дѣло Наполеона I. Онъ, съ свойственною проницательностью деспота, увидѣлъ возможность сдѣлать изъ прокуратуры послушное орудіе власти, желающей произвольно, хотя подъ прикрытіемъ законныхъ формъ, дѣйствовать въ области суда и въ этомъ онъ достигъ полнаго успѣха.

Лѣтописи адвокатскаго сословія даже въ XIX вѣкѣ наполнены постоянными столкновеніями адвокатовъ съ прокурорами. Адвокаты, правда, всегда энергично отстаивали свои права, но успѣхъ этой борьбы очень часто зависѣлъ отъ того, за или противъ адвокатовъ стояли судьи, лучшее время въ этомъ отношеніи для адвокатовъ была Іюльская монархія, затѣмъ повторились времена перваго Наполеона и реставраціи *).

Въ современномъ видѣ французская адвокатура представляетъ двѣ самостоятельныя адвокатскія корпораціи: одна, главная, разсѣянная по всей странѣ, имѣющая столько фокусовъ самоуправленія, сколько судебныхъ округовъ въ странѣ; вторая—дѣйствуетъ исключительно при кассаціонномъ судѣ и государственномъ совѣтѣ.

*) А. Кистяковскій... стр. 278.

Послѣдняя корпорація состоитъ изъ 60 членовъ; поступленіе новаго члена обусловлено смертью или выходомъ предшественника; званіе адвоката покупается за деньги. Въ противность общему двухстепенному строю французской адвокатуры, кассаціонные адвокаты совмѣщаютъ въ себѣ функціи avocat и avoué. Управляются они дисциплинарнымъ совѣтомъ, подчиненнымъ министру юстиціи. Эта маленькая каста не имѣетъ никакого общественнаго значенія и, когда говорятъ и пишутъ о французской адвокатурѣ, то имѣютъ въ виду ту часть ея, которая приписана къ палатамъ и разсѣяна по всей странѣ.

По закону, для поступленія въ адвокаты, требуется только предъявленіе университетскаго диплома на степень licencié en droit; кромѣ того, требуется далѣе французское подданство и проживаніе претендента въ томъ городѣ, гдѣ засѣдаетъ судъ. Съ принятіемъ въ сословіе начинается періодъ стажа, который длится 3 года, но на дѣлѣ онъ превратился въ пустую, безсодержательную форму. Начать съ того, что молодые стажьеры пользуются съ первыхъ-же дней всѣми правами, что и адвокаты, отбывшіе стажъ: они даютъ совѣты и защищаютъ (plaident et consultent). Права ихъ ограничиваются только однимъ, довольно своеобразнымъ запретомъ: фамиліи и адреса не должны быть оглашаемы.

Для профессіональной организаціи не сдѣлано ничего. Личнаго патроната нѣтъ, сословный патронатъ, въ видѣ конференціи, совершенно при-

зраченъ, такъ какъ отъ стажьеровъ требуется только расписываніе на листѣ, что онъ посѣтилъ конференцію. Рядомъ съ конференціями существуютъ, такъ называемыя, собранія колоннъ. Они происходятъ дважды въ годъ и состоятъ въ томъ, что однимъ изъ членовъ совѣта ex cathedra произносится проповѣдь адвокатской морали въ назиданіе молодымъ стажьерамъ.

Внутренняя чистоплотность сословія охраняется совѣтомъ путемъ строгаго соблюденія установленныхъ обычаевъ объ адвокатскомъ гонорарѣ. Въ видѣ анахронизма, во Франціи до сихъ поръ сохранилось правило, по которому гонораръ есть *даръ* адвокату со стороны кліента. Нельзя напередъ условливаться о немъ, нельзя предъявлять иска о гонорарѣ. Это правило ведетъ къ фарисейству, къ обходамъ. За спиной адвоката avoué торгуется съ кліентами; такъ какъ нельзя предъявлять иска о гонорарѣ, то почти всегда кліента заставляютъ уплатить весь гонораръ впередъ. Къ французскимъ адвокатамъ примѣнима нѣмецкая поговорка: „Sie trinken heimlich Wein und predigen öffentlich Wasser“.

Это явное, на глазахъ у всѣхъ совершаемое фарисейство, возбуждаетъ справедливый ропотъ молодого поколѣнія и не удивительно поэтому, что раздаются голоса за упраздненіе такой адвокатуры и предоставленіе „лавочнику, въ свободное отъ занятій время, заниматься адвокатурой. Въ обходъ закона и обычая дѣйствительность награждаетъ во взаимныхъ отношеніяхъ кліента

адвокату столько условнаго, лживаго и ненормальнаго, что лишь одни avoués самодовольно еще потираютъ себѣ руки, адвокаты же и кліенты одиноково крехтятъ" *).

Въ современной внутренней жизни французской адвокатуры выступаютъ симптомы разложенія. Жизнь идетъ вяло и однообразно. Сословіе гордое своею древностью, остается совершенно глухимъ къ нарождающимся нуждамъ жизни. Идеалы, хотя и охраняются, но движеніе замерло и все сводится къ строгому исполненію внѣшняго чина.

Лучшимъ показателемъ упадка, замиранія жизни сказалась въ томъ, какъ французская адвокатура отнеслась къ идеѣ международнаго общенія адвокатовъ на Брюссельскомъ международномъ конгрессѣ адвокатовъ 1897 г. Она показалась имъ ересью. Изъ 1,900 парижскихъ адвокатовъ на брюссельскій конгрессъ явилось всего 5 человѣкъ, да и тѣ подчеркнули, что они не представляютъ собой сословія **).

---

*) Н. П. Карабчевскій: „Около правосудія". Спб. 1908 г., стр. 62.

**) Желающихъ болѣе подробно ознакомиться съ положеніемъ французской адвокатуры отсылаемъ къ прекраснымъ работамъ:

Н. П. Карабчевскаго: „Около правосудія" Спб. 1908 г., „Современная французская адвокатура и новая школа судебнаго краснорѣчія" и „Французскій адвокатъ XVIII столѣтія", стр. 57—141.

М. Винавера: „Очерки объ адвакатурѣ". Спб. 1902 г. стр. 1—7 и 104—125.

А. Ф. Кистяковскаго: „Адвокатура во Франціи, Англіи и Германіи". Ж. М. Ю. Т. XVII, ч. II, стр. 253—297.

Léon Philippart: „La vie Judiciaire".

Frick: „L'avocat-stagiaire".

Lèon Gléry: „Souvenirs du Palais".

IV.

Во все время нидерландскаго господства и въ первые годы сомостоятельнаго существованія Бельгіи, адвокатура построена была на началахъ Наполеоновскаго декрета 1810 года. Въ послѣдующіе годы вплоть до революціи 1830 г., враждебное отношеніе къ адвокатурѣ еще болѣе усилилось. И только послѣ революціи, актомъ 7 апрѣля 1832, на собраніи брюссельскихъ адвокатовъ брюссельская адвокатура была объявлена „свободною ассоціаціею". Собраніе провозгласило, что достоинство и независимость адвокатуры не совмѣстимо со вмѣшательствомъ какой бы то ни было власти въ рѣшенія сословія, касающіяся собственныхъ ея дѣлъ. Собраніе избрало дисциплинарный совѣтъ и утвердило статутъ адвокатскаго самоуправленія. Въ 1-й статьѣ этого статума изложено: „цѣлью ассоціаціи брюссельскихъ адвокатовъ является сохраненіе независимости и достоинства сословія, обезпеченіе защиты правъ лицъ неимущихъ и *охрана либеральныхъ доктринъ*".

Несмотря на попытки генеральнаго прокурора разрушить основу ассоціаціи брюссельскихъ адвокатовъ, благодаря энергіи и стойкости адвокатуры всей страны,—общественно-политическая основа статута, осталось неприкосновенной, и въ 1836 году состоялось соглашеніе между правительствомъ и „свободной ассоціаціею“. Закономъ 1836 г. большинство предписаній декрета 1810 года были отмѣнены и ст. 2 закона установлено, что „сословіе созывается предсѣдателемъ Совѣта“ безъ всякихъ ограниченій какъ относительно предмета вѣдѣнія общихъ собраній, такъ и относительно контроля прокуратуры въ этомъ отношеніи. Дисциплинарная власть въ полномъ объемѣ перешла къ совѣту и ему же представлено было составленіе списка адвокатовъ (tableau); обвиняемому предоставляется на общемъ основаніи право апелляціи въ судъ второй степени; рѣшеніе объ исключеніи или запрещеніи практики представляется генеральному прокурору только для „обезпеченія ихъ исполненія“.

Защита бѣдныхъ на судѣ предоставлена исключительно совѣту; адвокату приписанному къ округу одной палаты предоставлено право свободнаго веденія дѣлъ въ округахъ всѣхъ остальныхъ палатъ.

Подъ вліяніемъ французскаго образца въ 1832 году создано было въ Бельгіи особое сословіе адвокатовъ при кассаціонномъ судѣ, какъ особый классъ правительственныхъ чиновниковъ. Завязалась долгая борьба между членами „сво-

бодной ассоціаціи“ и кассаціонными адвокатами. Примиреніе между враждующими корпораціями состоялось въ 1843 году и титулъ кассаціоннаго адвоката сталъ присваиваться самымъ заслуженнымъ изъ числа адвокатовъ при низшихъ судахъ. Кассаціонныя адвокаты пріобрѣли право вести дѣла во всѣхъ судахъ. Между обѣими адвокатурами установилось самое близкое товарищеское общеніе. Такимъ образомъ, хотя раздѣленіе на двѣ карпораціи осталось,— осталось въ высшей корпораціи и совмѣщеніе функціи avocat и avoué; однако кассаціонные адвокаты вошли въ составъ общей адвокатской семьи, и обособленія ихъ въ особую касту не послѣдовало.

Тренія между магистратурою и адвокатурою продолжались очень долго, но во второй половинѣ прошлаго столѣтія установились прочныя отношенія взаимнаго уваженія, продолжающіяся и донынѣ.

Въ 1840 г., по иниціативѣ нѣсколькихъ молодыхъ адвокатовъ, положено было начало первой добровольной, внѣ закона стоящей, организаціи. Организація эта именуемая „Конференціей молодой адвокатуры“ (Conference du Jeune Barreau), сыграла весьма видную роль въ дѣлѣ развитія бельгійской адвокатуры и существуетъ понынѣ. Главной и единственной цѣлью этой организаціи было профессіональное обученіе. Въ числѣ средствъ этого обученія, на первомъ планѣ, стоятъ искусственныя судебныя засѣданія, весьма много содѣй-

ствующія насажденію ораторскаго искусства. Поощреніе литературнаго труда стажьеровъ достигается путемъ изданія постояннаго журнала, въ которомъ печатаются ихъ труды („Palais"). Въ связи съ воспитательными цѣлями „Молодой адвокатуры" стоитъ и организація защиты бѣдныхъ на судѣ, а также группа учрежденій, направленныхъ къ защитѣ униженныхъ и оскорбленныхъ. Духовнымъ отцомъ ихъ является маститый адвокатъ и министръ Le Jeune. Вторая группа учрежденій, возникшихъ и поддерживаемыхъ, благодаря участію „Молодой адвокатуры", имѣетъ въ виду цѣли научныя. Сюда относится прежде всего организація бельгійской группы международнаго союза уголовнаго права. Во главѣ этой группы стоятъ три члена „Молодой адвокатуры".

Между патронатскими учрежденіями, возникшими въ средѣ „молодой адвокатуры" первое мѣсто принадлежитъ „Комитету защиты дѣтей". Основная дѣятельность его—опека въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, надъ дѣтьми моложе 16 лѣтъ, появляющимися предъ Брюссельскимъ исправительнымъ судомъ. Въ 1893 г. образовалось совершенно отдѣльно отъ этого комитета „Общество для защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія", но оно управляется также адвокатами и преимущественно членами комитета.

Трудами молодыхъ адвокатовъ создалось учрежденное въ 1894 г. общество колоніальныхъ изслѣдованій („Société d'études coloniales"), зани-

мавшееся изученіемъ важныхъ для Бельгіи колоніальныхъ вопросовъ. Молодой же адвокатурой созданъ международный институтъ библіографіи „Office International de Bibliographie").

Благодаря дѣятельности „Jenne Barreau" создано единеніе между адвокатурой всей страны и сдѣланы шаги создать единеніе между адвокатами всѣхъ странъ. Въ этомъ наибольшая заслуга Бельгійской „молодой адвокатуры". Въ области же организаціи самой адвокатуры въ смыслѣ дальнѣйшаго развитія корпоративной жизни также много сдѣлано „молодой адвокатурой".

Необходимо отмѣтить стремленіе въ рядахъ бельгійской адвокатуры къ законодательной реформѣ. Исходнымъ пунктомъ сужденій объ организаціи адвокатуры служитъ вопросъ о томъ, быть-ли адвокатурѣ сословіемъ, или предоставить всякому гражданину свободу и быть лавочникомъ и въ свободныя минуты защищать судебныя дѣла? Коммиссія реформъ отвергла идею о „свободной адвокатурѣ". Къ сожалѣнію комиссія реформъ разрѣшила въ отрицательномъ смыслѣ вопросъ объ открытіи доступа въ ряды адвокатуры женщинамъ. Рѣшеніе это является результатомъ случайнаго перевѣса анти-фиминисткой партіи въ Бельгійской адвокатурѣ и надо надѣятся, что лучшіе представители адвокатуры въ скоромъ времени добьются рѣшенія вопроса въ благопріятномъ для женщинъ смыслѣ. Бельгійская адвокатура не оставалась безучастной и къ соціальнымъ движеніямъ въ странѣ. Въ Бельгіи адво-

каты имѣютъ дѣйствительное значеніе: ими наполняются ряды магистратуры, они стоятъ во главѣ управленія, они принимаютъ видное участіе въ умственной жизни страны, такъ какъ ихъ усиліями вызваны къ жизни и поддерживаются 19 повременныхъ изданій *).

---

*) М. Винаверъ, стр. 125—218.

V.

Сословный духъ, сознаніе особой миссіи адвокатуры, создали его; условіе судебной жизни, устный процессъ и отдѣленіе функцій avocat отъ avoué, отдѣляя дѣятельность адвоката отъ канцеляріи и выдвигая на первый планъ элементы индивидуальнаго творчества, рѣзко подчеркивали различіе между канцелярской службою и адвокатской профессіею; съ другой стороны, тѣ же причины, въ предѣлахъ самого сословія, ослабляли значеніе, подражательной ремесленной выучки и личнаго подчиненія подмастерья одному опредѣленному мастеру. Какъ отраженіе средневѣкового типа обученія въ мастерской съ хозяиномъ и подмастерьемъ, и въ адвокатуру проникаетъ личный патронатъ; но въ Англіи, въ Бельгіи, во Франціи и у насъ онъ остался вольнымъ обычаемъ, никому не вмѣняемымъ въ обязанность, внутренно не связаннымъ со всѣмъ сословнымъ строемъ профессіональной подготовки, покоящейся на представленіи объ адвокатурѣ, какъ

искусствѣ, и на сознаніи долга всего сословія, какъ цѣлаго, передъ лицомъ его питомцевъ.

Въ Германіи и Австріи, гдѣ сословной организаціи вовсе нѣтъ, гдѣ адвокатура безъ прошлаго, выростая на развалинахъ адвокатскаго чиновничества и дѣйствующая при сложномъ письменномъ производствѣ и при смѣшеніи въ одномъ лицѣ функцій адвоката, avoué и нотаріуса,—личный патронатъ и судебно-канцелярскій стажъ, процвѣтаетъ. Ремесленно-чиновничья адвокатура нуждается и въ ремесленной подготовкѣ. Порукою въ этой подготовкѣ служитъ традиціонное примѣненіе ея во всѣхъ областяхъ промышленнаго труда. Германскій адвокатъ въ совершенствѣ пріобрѣтаетъ внѣшній навыкъ, но при этомъ гибнетъ юридическое творчество *).

Въ германской адвокатурѣ стойко держатся еще традиціи эпохи Фридриха Великаго и нигдѣ такъ не домогаются монополизированія профессіи въ пользу опредѣленнаго числа избранниковъ. Эти вожделѣнія, окрещенныя техническимъ названіемъ „numerus clausus“ энергично поддерживаются германскою адвокатурою.

Для германскаго стажьера кромѣ исполненія въ теченіе опредѣленнаго срока установленныхъ обязанностей является еще и строгое требованіе переходнаго экзамена изъ стажьеровъ въ разряды. полноправныхъ адвокатовъ.

---

*) М. Винаверъ, стр. 57.

Нисколько не лучше положеніе австрійской адвокатуры. Въ Англіи и во Франціи адвокатура строго держится незыблимаго щепетильнаго принципа въ выборѣ средствъ пріобрѣтенія практики. Эти требованія особенно строго предъявляются къ Barrister'амъ и avocat, гдѣ они отграничены отъ solicitor'а и avoué. Въ Австріи же гдѣ нѣтъ внутренняго расчлененія адвокатскаго сословія, пріемы конкуренціи нисколько не отличаются отъ пріемовъ лавочника всѣми способами зазывающаго къ себѣ покупателя. Усвоенные австрійскою адвокатурою пріемы конкуренціи принижаютъ достоинство всей адвокатской корпораціи.

Для улавливанія кліента австрійскіе адвокаты прибѣгаютъ къ отчаянной рекламѣ, съ которой совѣты безуспѣшно борются. Адвокатская реклама австрійскихъ адвокатовъ крайне неопрятна и въ ней чувствуется не столько потребность утолить естественную жажду признанія своихъ заслугъ, сколько въ ней сквозитъ погоня за наживой. Въ результатѣ все сводится къ quota litis, окончательно превращающее адвоката въ предпринимателя, благодаря чему онъ не менѣе заинтересованъ, чѣмъ сторона и теряетъ ту независимость, то высокое положеніе въ спорѣ, которое ему должно быть всегда присуще. Въ Англіи, Франціи и Италіи задачи адвоката цѣнятся высоко, нѣмецкіе же адвокаты лишены этого почета.

Лозунгъ нашего столѣтія—демократизація и отъ него не уйти и адвокатурѣ. Чѣмъ старѣе

и могущественнѣе аристократическая корпорація адвокатовъ, тѣмъ упорнѣе противится она всякимъ измѣненіямъ, но тѣмъ легче ей сохранить и въ новомъ видѣ то дѣйствительно хорошее, что было въ старомъ.

Демократизація совершается менѣе чувствительно тамъ, гдѣ нѣтъ очень рѣзкаго различія въ общественной структурѣ. Въ Австріи, при ея національной, экономической и культурной внутренней пестротѣ она чревата многими серьезными послѣдствіями для адвокатуры.

Прежде не замѣчалось даже въ большихъ городахъ Австріи той этнографической пестроты адвокатскаго сословія, какая наблюдается теперь, когда оно представляетъ въ миніатюрѣ карту всѣхъ національностей. Это положеніе вещей и придаетъ такое серьезное значеніе вопросу провинціализаціи адвокатовъ, несмотря на то, что вѣнское Barreau включаетъ въ свои списки много весьма уважаемыхъ и высоко стоящихъ въ сословіи коллегъ изъ разныхъ провинцій. Идея провинціализаціи выдвигаетъ проектъ, согласно которому кандидатъ для того, чтобы быть зачисленнымъ въ сословіе адвокатовъ, долженъ прожить и работать нѣсколько лѣтъ въ округѣ той камеры, которую онъ проситъ о принятіи его.

Проектъ создавалъ территоріальную связанность для адвокатовъ, по соображеніямъ внутренней политики дуалистической монархіи, еще въ 1867 году потерпѣлъ полное пораженіе.

Въ настоящее время австрійская адвокатура наканунѣ реформы. По проекту реформы выдвигаются слѣдующія мѣры:

1) воздѣйствіе на общественное сознаніе въ направленіи сокращенія наплыва въ юридическія сферы и, въ особенности, въ адвокатуру;

2) расширеніе сферы примѣненія труда адвоката;

3) упорядоченіе сословной дисциплины, и

4) мѣры противъ несправедливаго утѣсненія адвокатуры государствомъ. *)

Нѣмецкій adwocat anwalt — форменный чиновникъ. Многія нѣмецкія правительства, прикрываясь заботами о благѣ народа, смотрѣли на адвокатуру съ политическимъ недовѣріемъ, и, вслѣдствіе такого недовѣрія, установили для адвокатовъ особенную рекомендацію, опредѣлили при судахъ комплектъ для нихъ, подчинили ихъ строгой правительственной дисциплинѣ, требуя при томъ, чтобы желающій поступить въ адвокаты долгое время приготовлялъ себя канцелярскою работою по судебному вѣдомству. Результатомъ этихъ законодательныхъ мѣръ было то, что изъ нѣмецкаго адвоката вышелъ какой - то типъ запуганнаго, загнаннаго человѣка, какой у насъ можно было встрѣтить въ канцеляріяхъ судовъ стараго, добраго времени, и притомъ человѣка не совсѣмъ разборчиваго на средства. Рѣчь нѣмецкаго адво-

---

*) Эдмундъ Бенедиктъ: „Адвокатура нашего времени“. Переводъ съ третьяго нѣмецкаго изданія Т. Г. Зейлигеръ. СПБ. 1910 г. стр. 140.

ката вяла, боязлива, и, хотя сами нѣмцы иногда называютъ ее глубокомысленною, но въ ней всегда замѣтно стѣсненіе адвоката свободно высказывать истину, отсутствіе критическаго анализа, искренности и сердечной теплоты. Всѣ помыслы нѣмецкаго адвоката устремлены на угожденіе своему начальству и на извлеченіе матеріальныхъ выгодъ изъ дѣлъ своихъ кліентовъ. Впрочемъ государственные люди Германіи сами порицаютъ образъ дѣйствій своихъ адвокатовъ. Представители верховнаго королевскаго суда не лестно отзываются о своихъ адвокатахъ. Едва адвокатъ выступаетъ на судейскую арену, какъ исчезаютъ у него всѣ добрыя чувства: любовь къ истинѣ, совѣсть, прямой смыслъ, откровенность, добросовѣстность. Вотъ отзывъ нѣмецкой магистратуры о своихъ же адвокатахъ. Простой народъ въ Германіи смотритъ съ недовѣріемъ на адвоката какъ у насъ нашъ простолюдинъ смотритъ на нашихъ подпольныхъ „брехунцовъ" и называютъ его „ein feiner Mann, der das böses Wort spricht".

VI.

Излѣдователи древняго русскаго права пытались доказать существованіе адвокатуры въ древней Руси. По объясненіямъ ихъ—процессъ начинался въ древней Руси обвиненіемъ-поклёпомъ а самый судъ производили торжественно, въ присутствіи публичнаго обвинителя-мечника и судебнаго защитника-дѣтскаго отрока, на основаніи показанія свидѣтелей-послуховъ, или на основаніи другого способа—испытанія отвѣтчика посредствомъ желѣза. Мечникъ (прокуроръ) и дѣтскій отрокъ (адвокатъ) получали особую пошлину изъ судебныхъ сборовъ, называвшуюся—„желѣзный урокъ". Указаніе объ этомъ своеобразномъ процессѣ мы встрѣчаемъ въ „Русской Правдѣ" (см. текстъ „Русской Правды" изд. Н. Калачева): „а желѣзнаго платити сорокъ кунъ, а мечнику пять кунъ, а полгривны дѣтскому: то ти желѣзный урокъ, кто его въ чемъ емлетъ".

Во времена междоусобій удѣльныхъ князей, а затѣмъ—во времена татарскаго порабощенія, когда ничьи права не сознавались, не было на-

добности въ защитникахъ правъ. Судебники Іоанновъ III и IV и Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, даровавшіе русскому народу судъ и расправу, создали адвокатуру, о которой преобразователь нашего отечества Петръ I въ указѣ отъ 21 февраля 1697 г. (Полн. Собраніе Законовъ № 1572) такъ отозвался: „въ которыхъ дѣлахъ всякихъ чиновъ у людей, говоритъ онъ, бываютъ въ преказѣхъ суды и очныя ставки, отставить, для того, что въ судѣхъ и въ очныхъ ставкахъ отъ истцовъ и отвѣтчиковъ бываетъ многая неправда и лукавство, и ищутъ многіе истцы исковъ своихъ, затѣвая напрасно, также и отвѣтчики въ прямыхъ искѣхъ отвѣчаютъ неправдою-жъ, составными вымыслы свои и лукавствомъ, хотя тѣми составными затѣйными отвѣты прямыхъ исковъ напрасно отбыть, забывъ страхъ Божій, а иные истцы и отвѣтчики, для такихъ же своихъ коварствъ и неправдъ нанимаютъ за себя въ суды и въ очныя ставки свою братью и боярскихъ людей ябедниковъ и составщиковъ же воровъ и душегубцевъ“. Еще рельефнѣе выразилось предубѣжденіе Петра I противъ адвокатовъ въ изданныхъ имъ воинскихъ процессахъ, въ которыхъ онъ говоритъ: „и правда, надлежало бъ въ крихгерихтахъ всѣ дѣла какъ найкратчайше, отложа всякую прибранность, представлять; однакожъ когда адвокаты у сихъ дѣлъ употребляются, оные своими непотребными приводити судью болѣе утруждаютъ, и оное дѣло такъ паче къ вящщему про-

странству нежели къ скорому приводятъ окончанію" (Полн. Собр. Зак. № 3006).

Того же мнѣнія держалось правительство во второй половинѣ XVIII столѣтія: Въ указѣ Сената отъ 4 января 1761 г. приведено донесеніе Юстицъ-Коллегіи „что въ производимыхъ судахъ отъ истцовъ и отвѣтчиковъ и отъ повѣренныхъ ихъ многіе споры недѣльные, и происходятъ по большей части отъ повѣренныхъ разныхъ персонъ служителей, отъ таковыхъ, которые въ судахъ бываютъ не за своихъ господъ, но за постороннихъ истцовъ и отвѣтчиковъ, нанимаясь и получая не малыя деньги, и дѣлъ имѣетъ каждый не по малому числу; и тщась за такія не малыя деньги, разными образы стараются чинить въ тѣхъ судахъ недѣльные и умышленные споры и умноженіе письмомъ къ затемнѣнію и къ продолженію въ рѣшеніи дѣлъ; да и по нынѣ тѣ повѣренные отъ таковыхъ худыхъ поступковъ не воздерживаются".

Въ царствованіе Императора Александра I, къ людямъ, обязаннымъ записаться въ адресной конторѣ и получить билетъ на право занятія должности въ частныхъ домахъ и у частныхъ лицъ между прочими, были отнесены: учители дѣтей, гувернеры, гувернантки, дядьки, няньки, кормилицы, камердинеры, управители, дворецкіе, метрдотели, казначеи, офиціанты, управительницы, смотрительницы, ключницы, кастелянши, компаніонки, бѣлошвеи, золотошвеи *и люди стряпчествомъ занимающіеся.* Когда въ

1838 году вмѣсто адресной конторы при Петроградской Управѣ благочинія была учреждена адресная экспедиція, то записѣ въ эту экспедицію подлежали всѣ обоего пола россійскіе подданные, несмотря на ихъ званіе, отправляющіе въ Петроградѣ какія либо частныя должности по найму или другимъ условіямъ, а равно, занимающіеся какимъ-либо ремесломъ или промысломъ. Записка въ экспедиціи означалась выдачею адреснаго билета на жительство въ Петроградѣ. Выдача адресныхъ билетовъ совершалась или съ платежемъ за оные особаго сбора, подъ названіемъ адреснаго, или безъ платежа. Послѣднему сбору подлежали, въ числѣ другихъ лицъ, отставные чиновники, занимающіеся стряпчествомъ (адвокаты) (см. Полн. Собр. Зак. №№ 11.869, 23.911, 26.422 и 27.882).

Означенные акты и узаконенія свидѣтельствуютъ, что лица, занимавшіеся стряпчествомъ (адвокаты) не пользовались почетомъ и уваженіемъ и занятія ихъ не были публичны и сравнены были съ обязанностями наемной прислуги, причемъ законодатель стремился обуздать недобросовѣстность адвокатовъ и искоренить наклонность ихъ къ ябедамъ. Вотъ почему въ нашемъ уголовномъ кодексѣ появились строгія наказанія за ябеду, а въ гражданскомъ—ограниченія круга лицъ, имѣвшихъ право ходатайствовать на судѣ въ качествѣ повѣренныхъ.

Въ царствованіе Императора Николая I положеніе стряпствующихъ лицъ осталось безъ измѣненія.

При всемъ своемъ умѣ, талантѣ и энергіи одинъ изъ выдающихся дѣятелей судебной реформы С. И. Зарудный ничего не могъ сдѣлать въ борьбѣ съ force mojeure во все время царствованія Николая Павловича. Предѣлы судебной реформы строго очерчены были областью гражданскаго процесса, да и здѣсь реформаторы не имѣли полной свободы. Вопросъ объ адвокатурѣ, безъ правильной организаціи которой немыслимо было коренное переустройство гражданскаго права, приходилось оставлять нетронутымъ, такъ какъ Імперароръ Николай былъ рѣшительно противъ введенія у насъ адвокатуры.

Въ статьѣ г. Калмыкова „Старый Судъ" („Русская Старина" 1886 г. № 12) приводятся любопытныя данныя по этому предмету: „Правительство считало, что всѣ граждане силою закона и установленнымъ порядкомъ достаточно ограждены. III отдѣленіе относилось крайне подозрительно къ тогдашнимъ адвокатамъ. Малѣйшая жалоба со стороны кліента, была ли она ложная или справедливая—была излюбленнымъ предметомъ занятій генерала Дуббельта".

Г. Калмыковъ передаетъ знаменательный случай, бывшій съ московскимъ генералъ-губернаторомъ свѣтлѣйшимъ княземъ Д. В. Голицынымъ. По вступленіи въ должность, ему принесли для утвержденія судебные приговоры, коими опредѣлялась торговая казнь черезъ палачей на площадяхъ. Князь Голицынъ отказался утвердить приговоры, ссылаясь на то, что онъ

не имѣетъ возможности провѣрить правильность приговоровъ. Обстоятельство это дошло до Императора Николая и онъ во время представленія спросилъ князя Голицына: что это значитъ?

Князь Голицынъ объяснилъ, что въ виду отсутствія защиты, онъ лишенъ возможности обсудить правильность рѣшенія палаты, а потому просилъ устранить его отъ утвержденія приговоровъ.

— У тебя есть прокуроры и стряпчіе—возразилъ Государь,—чтобы судить о правильности рѣшенія.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ князь Голицынъ,—прокуроры и стряпчіе не защитники, а преслѣдователи—тутъ нужны *адвокаты.*

Государь, при словѣ адвокаты, видимо нахмурился и сказалъ: „Да ты, я вижу, долго жилъ во Франціи и, кажется, еще во время революціи, а потому неудивительно, что ты усвоилъ себѣ тамошніе порядки.—А кто,—продолжалъ Государь говорить громко,—погубилъ Францію, какъ не адвокаты, вспомни хорошенько! Кто были Мирабо, Маратъ, Робеспьеръ и другіе?! Нѣтъ, князь, заключилъ Государь, пока я буду царствовать—Россіи не нужны адвокаты, безъ нихъ проживемъ. Дѣлай то, что отъ тебя требуетъ законъ, болѣе я ничего не желаю“. (Русская Старина 1886 г. № 12, стр. 535 и 536).

Въ послѣднія годы царствованія Императора Николая носились идеи судебныхъ уставовъ, уже чувствовалось приближеніе весны,

но еще жила старая судебная волокита, еще сильны были ея служители—адвокаты стараго типа. Во главѣ этихъ ходатаевъ стараго типа были адвокаты, судьи, секретари, столоначальники, повытчики. Они брались проводить дѣла при тѣхъ же судахъ, при которыхъ служили. Это не были взяточники, они дѣйствовали, проводили дѣло, т. е. направляли его къ желанному концу, ведя дѣло, какъ и адвокаты нынѣшніе. Начальство знало объ этомъ и не видѣло тутъ ничего неудобнаго. Затѣмъ болѣе многочисленная группа занимавшаяся стряпчествомъ—это были чиновники въ отставкѣ, оставившіе службу по какимъ либо непріятностямъ. Юридическій багажъ ихъ состоялъ изъ тѣхъ познаній, которыя они пріобрѣли на службѣ. Большинство этой группы составляли чиновники по интендантству и комиссаріату. Иногда они спеціализировались на какой либо отрасли дѣлъ, большею частью, собственно своими познаніями по роду прежней своей службы и наконецъ самая многочисленная группа представляла собою смѣсь положеній, званій, состояній. Тутъ были и дворяне, потерявшіе состояніе, разорившіеся по торговлѣ купцы, приказчики, отставные военные, сидѣльцы кабаковъ, выгнанные по третьему пункту чиновники, управляющіе домами и имѣніями, ихъ можно окрестить названіемъ адвокатовъ-штучниковъ. Они не занимались веденіемъ дѣлъ въ настоящемъ смыслѣ слова, а писали жалобы и, вообще, довольствовались всѣмъ, что

перепадетъ. Это не иверскіе дворяне, какъ именовали этихъ уличныхъ адвокатовъ въ Москвѣ, но лучше всего къ нимъ относится типичное московское названіе „крапивное сѣмя“. Какъ и крапива, они жгли при прикосновеніи къ нимъ.

Эта послѣдняя группа, главнымъ образомъ, состояла изъ продажныхъ адвокатовъ, которые жили тѣмъ, что столкнувшись съ противникомъ, предлагали за деньги признать любой фактъ, или-же такъ напугать своего кліента, что онъ на все пойдетъ, все заплатитъ. Съ этими категоріями адвокатовъ-ходатаевъ общество того времени мирилось и отлично уживалось. То было время, когда никакія судебныя „конституціи и народовластія“ не оскверняли еще дѣвственной цѣлины нашей общественной жизни. Къ характеристикѣ этой трогательной идиліи добраго стараго времени можно указать любопытный фактъ сообщаемый тѣмъ же Г. Калмыковымъ („Русская Старина“ 1886 г. № 12), какъ Министръ Юстиціи гр. Панинъ—человѣкъ безусловно честный, отмѣнно благонамѣренный, неспособный на сознательно несправедливый поступокъ, черезъ знаменитаго директора департамента М. И. Топильскаго посылалъ взятку въ сто руб. при совершеніи рядной въ пользу дочери. Какъ исполнить это щекотливое порученіе, т. е. дать взятку отъ министра юстиціи надсмотрщику? Топильскій ухитрился: самымъ непримѣтнымъ образомъ онъ сунулъ въ портфель надсмотрщика сто рублей. Въ этой же статьѣ

г. Калмыковъ разсказываетъ, какъ кіевскій генералъ-губернаторъ Безакъ—гроза на весь край, давалъ взятку надсмотрщику за совершеніе довѣренности. Тотъ сталъ уклоняться съ благороднымъ негодованіемъ. Безакъ велѣлъ догнать безкорыстнаго чиновника и сунуть ему за шиворотъ деньги!

VII.

Съ воцареніемъ Императора Александра II какъ то вздохнули свободнѣе. Коронаціонный манифестъ какъ бы приподнималъ уголокъ завѣсы, за которою виднѣлось свѣтлое будущее. Намеки манифеста „о правдѣ и милости въ судахъ"—доставили отраду и окрыляли надежду. Новымъ духомъ повѣяло, новое время настало и явились новые люди, которые на своихъ плечахъ вынесли судебную реформу. Если на Руси, въ этой классической странѣ безконечной волокиты и безшабашнаго взяточничества, водворился судъ, соотвѣтствующій своему названію; если на мѣсто права, существовавшаго въ видѣ смутной иллюзіи, въ видѣ pium desiderium, возникло понятіе о правѣ, какъ о чемъ то реальномъ; если вмѣсто прежняго недовѣрія къ суду, отъ котораго народъ ограждалъ себя, какъ отъ нечистой силы, разными заклинаніями, явилась вѣра въ суды,—то всѣми этими благами мы обязаны стойкому борцу за либеральныя и гуманныя идеи Сергѣю Ивановичу Зарудному *).

*) Гр. Джаншіевъ: „С. И. Зарудный и судебная реформа". Москва. 1889 г., стр. 5.

Памятникъ Императору Александру II въ круглой залѣ Московскаго Окружнаго Суда.

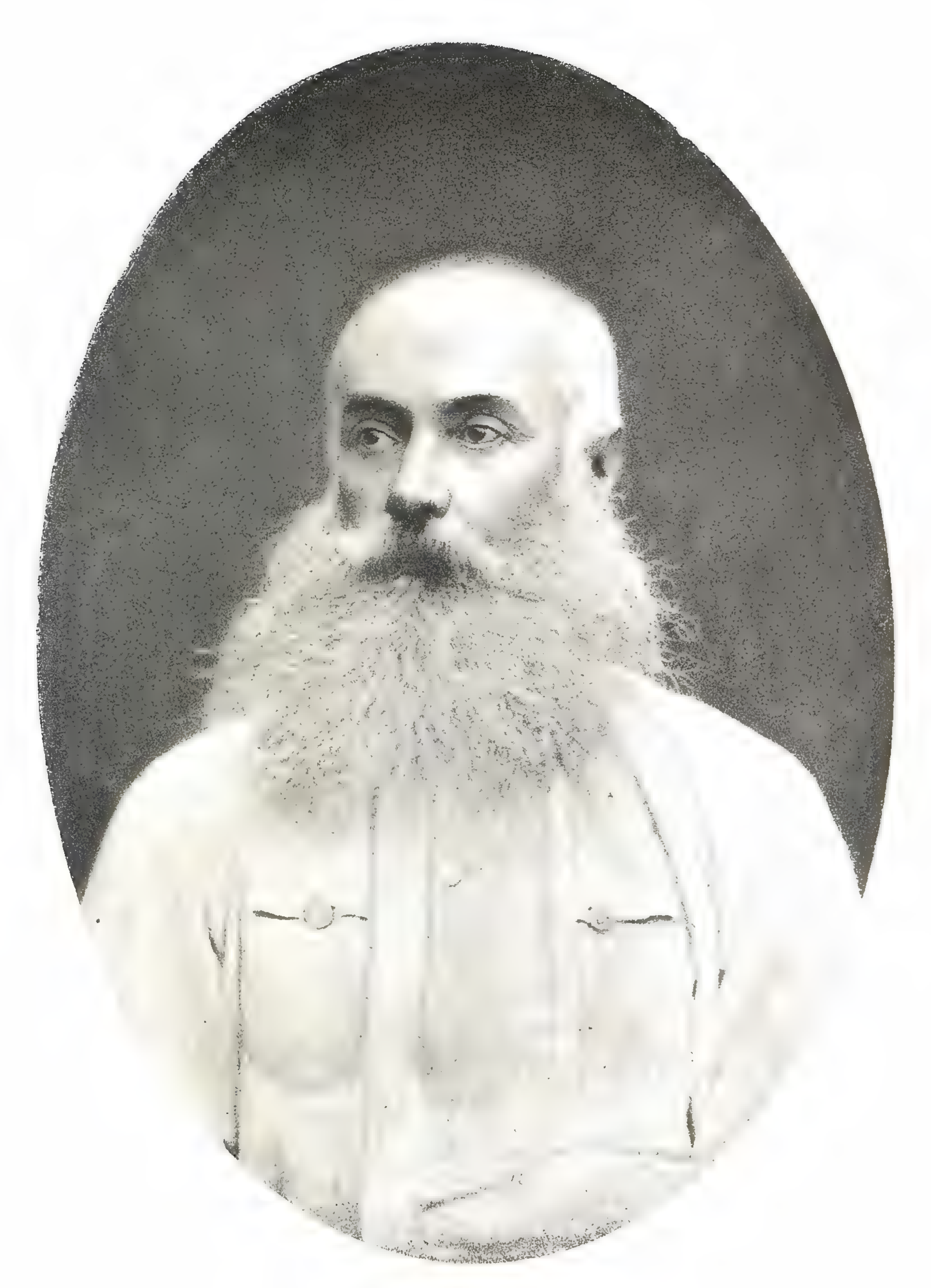
Его плодотворная дѣятельность касалась нетолько сферы юристовъ-спеціалистовъ, но захватывала самые жизненные интересы общества и даже народныхъ массъ. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ двухъ величайшихъ реформахъ, какія когда либо производились въ нашей странѣ—крестьянской и судебной. Если въ первой онъ игралъ важную, но не первостепенную роль, то во второй онъ давалъ тонъ всему дѣлу, въ самую важную ея эпоху. Только благодаря его непреклонной энергіи, его изумительному трудолюбію, его умѣнію работать и руководить работами другихъ и стало возможнымъ необыкновенно быстрое и удачное составленіе и введеніе въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. Почти съ увѣренностью можно сказать, что едва-ли основныя начала судебной реформы получили бы столь всестороннее и гармоническое развитіе, если бы не преклонная энергія, этого незабвеннаго, но увы! весьма скоро забытаго труженика.

По поводу учрежденія въ судахъ адвокатуры Зарудный говоритъ, что есть такія истины, противъ которыхъ спорить никто не можетъ: родились ли онѣ вмѣстѣ, всосали ли мы ихъ съ молокомъ нашей кормилицы, или онѣ незамѣтно вкрались въ наши понятія—неизвѣстно. Къ такимъ понятіямъ принадлежитъ и необходимость учрежденія „стряпчихъ“ (слово „адвокатура“, какъ нецензурное и подозрительное Зарудный, повидимому, избѣгалъ намѣренно).

Противники присяжной адвокатуры всячески старались доказать преждевременность этого учрежденія для Россіи, равно какъ и введеніе у насъ суда присяжныхъ, ибо сіе установленіе не можетъ правильно функціонировать за недостаткомъ хорошихъ адвокатовъ для защиты подсудимыхъ. С. И. Зарудный и В. П. Бутковъ горячо отстаивали эти устои судебной реформы. Если мы не имѣемъ адвокатовъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы у насъ не нашлись люди которые были бы въ состояніи защищать невинныхъ. Возможно, что на первое время предположенное установленіе присяжныхъ повѣренныхъ не доставитъ искусныхъ защитниковъ, или, что ихъ будетъ мало для всѣхъ дѣлъ уголовныхъ, но это не можетъ опровергнуть той истины, что допущеніе оффиціальной защиты подсудимыхъ, предъ судомъ, хотя бы она, за недостаткомъ присяжныхъ повѣренныхъ, была возложена на кого либо другого, напримѣръ на болѣе способныхъ къ сему чиновниковъ судебныхъ канцелярій, будетъ несравненно лучше нынѣшняго, почти совершенно беззащитнаго, положенія подсудимыхъ.

Трудная задача досталась Зарудному и Буткову разсѣять существовавшіе въ высшихъ сферахъ предубѣжденія противъ суда присяжныхъ и введенія присяжной адвокатуры.

Съ 1862 г. хорошо подготовленное дѣло пошло быстро къ своему осуществленію. Весна и часть осени 1862 г. пошли на обсужденіе основ-

Сергѣй Ивановичъ Зарудный.

ныхъ положеній въ Госуд. Совѣтѣ, гдѣ Зарудный въ качествѣ и. д. статсъ-секретаря департамента законовъ не мало способствовалъ ихъ успѣшному прохожденію.

29 Сентября 1862 г. „Основныя Положенія“ преобразованія судебной части въ Россіи были утверждены верховною властью. По утвержденіи ихъ дѣло судебной реформы можно было считать почти выиграннымъ, но для лучшаго обезпеченія успѣха его, Зарудный предложилъ особую, чрезвычайную мѣру. По его мысли, рѣшено было распубликовать „Основныя Положенія“ во всеобщее свѣдѣніе, и вотъ, 1 октября 1862 г. Россія съ радостнымъ изумленіемъ узнала, что она въ скоромъ времени будетъ имѣть образцовыя судебныя учрежденія и въ томъ числѣ тотъ судъ присяжныхъ, для пріобрѣтенія котораго другими народами было пролито не мало крови!

Опубликованіе Заруднымъ „Основныхъ Положеній“ въ связи съ обращеніемъ къ публикѣ съ просьбою о доставленіи замѣчаній на нихъ имѣло громадное общественное значеніе. Окончена была труднѣйшая и важнѣйшая часть дѣла: заложенъ былъ прочно фундаментъ новаго суда и заложенъ на такихъ разумныхъ основаніяхъ, что даже иностранные юристы, и во главѣ ихъ извѣстный Миттермайеръ, были пріятно изумлены, узнавъ о трудахъ русскихъ юристовъ.

Послѣ объявленія „Основныхъ Положеній“ по Высочайшему повелѣнію, при Государственной Канцеляріи, организована была Комиссія для со-

ставленія уже болѣе подробныхъ и опредѣленныхъ законоположеній, въ видѣ отдѣльныхъ уставовъ по судоустройству и судопроизводству, которая съ необыкновенною энергіей приступила къ исполненію порученнаго ей государственнаго дѣла, за ходомъ котораго такъ зорко слѣдила не только Россія, но и вся Европа.

Въ трудахъ этой Комиссіи принималъ участіе В. Д. Спасовичъ, вступившій въ ряды перваго состава нашей присяжной адвокатуры.

Составленные этой комиссіей проекты судебныхъ уставовъ, разсмотрѣнные затѣмъ въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и гражданскихъ дѣлъ Государственнаго Совѣта, удостоились, наконецъ, Высочайшаго утвержденія.

Утвержденіе новыхъ судебныхъ уставовъ сопровождалось особымъ указомъ Правительствующему Сенату, въ которомъ указывалась исторія и цѣль судебной реформы. „По вступленіи на прародительскій престолъ,—говорится въ указѣ,—однимъ изъ первыхъ нашихъ желаній, всенародно возвѣщенныхъ въ манифестѣ 1856 г. было: „правда и милость да царствуетъ въ судахъ". Съ того времени, среди другихъ преобразованій народной жизни, мы не переставали заботиться о достиженіи упомянутой цѣли. Въ этихъ видахъ были предприняты преобразованія и выработаны начала и проекты новыхъ судебныхъ уставовъ. Разсмотрѣвъ сіи проекты, мы находимъ, что они вполнѣ соотвѣтствуютъ желанію нашему водворить въ Россіи судъ скорый, правый, ми-

лостивый, равный для всѣхъ подданныхъ нашихъ, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить въ народѣ то уваженіе къ закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе и которое должно быть постояннымъ руководителемъ всѣхъ и каждаго, отъ высшаго до низшаго“.

Судебная реформа должна была кореннымъ образомъ перестроить весь судебный порядокъ, существовавшій до сихъ поръ.

Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетворной
И всякой мерзости полна.

При отсутствіи гласности и контроля со стороны общественнаго мнѣнія „черная неправда“, по словамъ Хомякова свила себѣ въ дореформенномъ судѣ прочное гнѣздо. Въ результатѣ такихъ судебныхъ порядковъ былъ упадокъ въ народѣ довѣрія къ суду и уваженія къ суду.

Судебная реформа устранила причины зла, т. е. безпорядковъ, въ самомъ корнѣ ихъ путемъ неприложныхъ началъ — въ отдѣленіи судебной власти отъ административной, уничтоженіи канцелярской тайны и введеніи гласности и устности судопроизводства и введеніи состязательнаго процесса, въ учрежденіи сословія присяжныхъ повѣренныхъ, въ устраненіи полиціи отъ производства слѣдствія, въ введеніи на ряду съ обвинительной властью защиты, въ ослабленіи

теоріи законныхъ доказательствъ, въ предоставленіи простора убѣжденію судей, въ несмѣняемости судей и въ отмѣнѣ сословныхъ судовъ.

14 апрѣля 1866 г., въ 2 ч. дня Государь Императоръ Александръ II, въ сопровожденіи Государя Наслѣдника Цесаревича, Великаго Князя Константина Николаевича и Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, удостоилъ своимъ посѣщеніемъ вновь устроенное помѣщеніе для новыхъ судебныхъ учрежденій и, послѣ внимательнаго его осмотра, обратился къ сопровождавшему Его Величество, вновь назначенному, судебному персоналу съ слѣдующими словами:

„Я надѣюсь, господа, что вы оправдаете оказанное вамъ довѣріе и будете исполнять новыя ваши обязанности добросовѣстно, по долгу чести и вѣрноподданнической присяги, что, впрочемъ, одно и то же. Итакъ, въ добрый часъ, начинайте доброе дѣло“.

Спустя три дня послѣ посѣщенія Государемъ Императоромъ зданія новыхъ судебныхъ учрежденій, 17 апрѣля 1866 г. послѣдовало торжественное ихъ открытіе въ Петроградѣ министромъ юстиціи Дм. Ник. Замятнинымъ, который произнесъ рѣчь, изъ которой мы приводимъ только часть, обращенную къ присяжнымъ повѣреннымъ, утвержденнымъ въ этомъ званіи въ числѣ 27 человѣкъ *).

---

*) П. А. Андреевъ, К. К. Арсеньевъ, В. Ф. Баронецкій, А. А. Брутъ, Р. И. Габерцеттель, В. П. Гаевскій, С. Ф. Делюсто, А. М. Евреиновъ, А. И. Знамеровскій, Н. М. Кладо, М. М. Кларкъ, Г. А. Кон-

Министръ Юстиціи

Дмитрій Николаевичъ Замятнинъ.

Указывая въ началѣ своей рѣчи на всю важность будущей задачи судебныхъ установленій, которымъ предстоитъ провести въ жизнь многознаменательныя слова Августѣйшаго Монарха: „Правда и милость да царствуетъ въ судахъ", и перечисляя всѣ тѣ обязанности судейскаго сословія и прокуратуры, отъ точнаго и неуклоннаго исполненія которыхъ будетъ зависѣть возможно успѣшное достиженіе означенной высокой цѣли, г. министръ юстиціи, обращаясь къ присяжнымъ повѣреннымъ, продолжалъ: „Но для полнаго успѣха предпринимаемаго судебнаго преобразованія недостаточно одной дѣятельности судебныхъ установленій: здѣсь необходимо и благонамѣренное содѣйствіе вновь образуемаго у насъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ.

„Вамъ господа, посвящающимъ себя на защиту предъ судомъ законныхъ правъ лицъ, лишенныхъ возможности самимъ это исполнить, предстоитъ на избранномъ вами поприщѣ много труда и большая отвѣтственность. Судебныя мѣста, при разрѣшеніи дѣлъ, будутъ руководствоваться преимущественно тѣми данными, которыя вы имъ представите. Поэтому во многихъ случаяхъ отъ вашихъ познаній и образа дѣйствій будетъ зависѣть благосостояніе и честь вашихъ довѣрителей. Одно уже поступленіе въ

ради, В. Э. Краузольдъ, П. Ф. Лобри, П. П. Лыжинъ, А. П. Остряковъ, С. И. Петренко, А. П. Петерсъ, Г. Г. Принцъ, Е. А. Пушкаревъ, В. В. Самарскій-Быховецъ, Я. М. Серебрянный, Д. В. Стасовъ, В. И. Танѣевъ, А. Н. Турчаниновъ, Н. А. Тимротъ и К. Ф. Хартулари.

составъ присяжныхъ повѣренныхъ даетъ право предполагать, что вы постигли всю важность вашего будущаго круга дѣйствій и что всѣ вы единодушно, рука объ руку съ судебными властями, пойдете по пути, предуказанному вамъ священнымъ чувствомъ долга, точное исполненіе котораго стяжаетъ вамъ высшую для васъ награду—общественное довѣріе и уваженіе!"

Итакъ, къ новому дню русскаго народнаго праздника—19 февраля прибавился еще и другой 17 апрѣля (день открытія новаго суда въ Петроградѣ); это дни великихъ побѣдъ не надъ внѣшними врагами, а надъ исконною нашею домашнею губительницею — вѣковою неправдою, дни изгнанія изъ предѣловъ Россіи не иноземныхъ полчищъ, а стародавняго тирана—вѣкового безправія, или, наконецъ, великіе дни изведенія русскаго народа изъ юридической и земской неволи.

На обѣдѣ по поводу открытія новаго суда въ Петроградѣ 17 апрѣля 1866 г. А. Ѳ. Кони отмѣтилъ судебное торжество слѣдующимъ стихотвореніемъ:

На рубежѣ тысячелѣтья
Возникъ въ Россіи человѣкъ,
Какого ждали мы столѣтья,
Кто словомъ озарилъ нашъ вѣкъ.
Питомецъ пылкаго поэта
И правды ревностный стратегъ,
Среди дворца, въ младыя лѣта,
Онъ боли русскія постигъ

Ворота зданія Петроградскихъ судебныхъ установленій.

И порѣшилъ въ умѣ державномъ,
Возсѣвъ на прадѣдовскій тронъ,
Поставить въ царствѣ православномъ
Свободу, право и законъ.

IX.

Итакъ, соотношеніе соціальныхъ силъ привело правительство къ убѣжденію въ томъ, что адвокатура дѣйствительно необходима, какъ сама справедливость и въ то же время, ясно опредѣливъ значеніе и задачи адвокатуры, усвоило себѣ характеръ ея и содержаніе. И самый фактъ заимствованія адвокатуры явился не результатомъ подражанія иноземнымъ порядкамъ, а свидѣтельствуетъ о необходимости введенія ея въ извѣстные моменты развитія общественной жизни.

Адвокаты—это спеціалисты — правовѣды, защищающіе на судѣ права индивидуальныхъ лицъ во имя и въ интересахъ общественнаго блага.

Такова идея адвокатуры, такова ея миссія.

Въ гражданскомъ процессѣ, гдѣ идетъ борьба за право, въ исходѣ которой заинтересовано все общество въ лицѣ всѣхъ своихъ членовъ—всеобъемлющее значеніе получаетъ роль адвоката. Общество заинтересовано не только въ томъ, чтобы каждый добивался своего права, но и въ

томъ, чтобы въ дѣлѣ этого осуществленія торжествовало именно правильное примѣненіе закона. Игнорированіе права и явное его нарушеніе одинаково опасны для общества, которое заинтересовано не въ одной только наличности теоретической нормы, но и въ законномъ и правильномъ ея примѣненіи. Увѣренность въ законности — условіе существованія. Недаромъ говорится, что justitia—fundamentum regnorum. Такъ какъ однако съ другой стороны осуществленіе своего права требуетъ, какъ и всякая дѣятельность, извѣстной техники, извѣстнаго искусства въ знаніи формъ, порядковъ и пріемовъ въ осуществленіи и пользованіи этими формами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и знаніе тѣхъ положеній матеріальнаго права, которыми опредѣляется и нормируется то или другое правоотношеніе, такъ какъ, благодаря незнанію этихъ матеріальныхъ и процессуальныхъ элементовъ, тяжущійся можетъ компроментировать важность и цѣнность для общества надлежащаго примѣненія права, то необходимо, чтобы сторонамъ въ процессѣ была оказана надлежащая помощь спеціалистами, которые могли бы оказать необходимое содѣйствіе и тяжущимся, и суду, а вмѣстѣ съ тѣмъ и произвести контроль надъ правильностью примѣненія этимъ послѣднимъ закона.

Эти спеціалисты—по идеѣ своего призванія—являясь повидимому представителями отдѣльной стороны, въ сущности дѣйствуютъ въ интересахъ и отъ имени общества. Если судья, облеченный

верховною властью отдаетъ правосудіе народу, то адвокатъ при исполненіи своихъ обязанностей, въ свою очередь является уполномоченнымъ всего народа, требующимъ правосудія для одного изъ его членовъ. Что такое судья? — Голосъ Государя. Что такое адвокатъ? — Голосъ народа *).

Въ уголовномъ процессѣ роль адвокатуры еще ярче обрисовывается.

„На первыхъ ступеняхъ государственной жизни уголовный процессъ былъ построенъ на началахъ частнаго представительства. Но съ теченіемъ времени разбирательство уголовныхъ дѣлъ получило новыя формы. Развитіе государственнаго абсолютизма, порабощеніе свободы личности и вытѣсненіе гражданъ изъ дѣятельности публичной привели къ инквизиціонному складу уголовнаго процесса, гдѣ всемогущее государство, вытѣснивъ личную дѣятельность, объявило своею исключительною принадлежностью всю область судебнаго изслѣдованія, не остановившись для обезпеченія ему успѣха предъ такими крайними мѣрами, какъ самыя тяжкія истязанія лицъ, еще не осужденныхъ **).

Когда же подсудимый оказался лицомъ къ лицу предъ судомъ, то необходимость защиты его не замедлила обнаружиться. Если для со-

*) Каррэ—по Вальковскому — „Организація адвокатуры", 1893 г. II, стр. 8 и слѣд.

**) Фойницкій. Защита въ уголовномъ процессѣ, какъ служеніе общественное. СПБ. 1885, стр. 8.

храненія правопорядка съ одной стороны, необходимо, чтобы виновный потерпѣлъ наказаніе, то во имя того же правопорядка необходима увѣренность въ безнаказанности невинныхъ. Необходимость энергичной защиты противъ ошибокъ, увлеченій, незнанія, пристрастія представителей государственной власти является условіемъ обезпеченія каждому члену общества его высшихъ благъ, чести и свободы *).

Для общества безнаказанность того или другого виновнаго значительно менѣе опасна, чѣмъ неувѣренность въ правѣ пользованія своими правами. А между тѣмъ, если допустить, что мыслимъ фактъ обвиненія кого-либо при недостаточной доказательности и доказанности обвиненія, то этимъ расшатывается въ корнѣ увѣренность въ спокойномъ пользованіи своими правами. И если въ сферѣ гражданской сдѣлки, права его будутъ охранены закономъ, то въ сферѣ уголовнаго права еще болѣе важно сознаніе, что поскольку каждый изъ насъ не будетъ съ несомнѣнностью уличенъ въ совершеніи преступленія, постольку онъ будетъ въ правѣ расчитывать на неприкосновенность своей чести и свободы. Допустить возможность обвиненія невиннаго—значитъ колебать основы общежитія. Чѣмъ надежнѣе ограждена невинность, тѣмъ болѣе обезпечены интересы общества. И поэтому, когда въ уголовномъ процессѣ представитель государства

*) О. Я. Пергаментъ. «Общественныя задачи адвокатуры», Одесса, 1905, стр. 12.

требуетъ обвиненія подсудимыхъ, встаетъ представительница общества—защита и требуетъ... доказательства. И не можетъ защита отдать подсудимаго во власть обвиненія при недоказанности этого послѣдняго, ибо она борется не только за отдѣльную человѣческую жизнь, ея честь и свободу, но и притомъ главнымъ образомъ и за право общества на законное и обезпеченное существованіе. Общественное служеніе адвокатуры въ уголовномъ процессѣ стоитъ такимъ образомъ внѣ сомнѣнія.

„Какъ уполномоченный общества, дѣйствующій въ его интересахъ, адвокатъ пріобрѣтаетъ характеръ служителя правосудія, совѣтника стороны, помощника нуждающихся въ помощи, контролера надъ судьями, вѣчно бодрствующаго защитника угнетенныхъ, истолкователя закона".

Правосудію нужно знать не личное мнѣніе защитника о дѣлѣ, а тѣ доводы и соображенія, которыя могутъ быть приведены въ пользу подсудимаго. Отъ него требуется помощь правосудію, обоснованіемъ и формулированіемъ защитительнаго антитезиса. Адвокатъ представитель живого либеральнаго движенія, въ то время, какъ судья-носитель консервативнаго начала. Въ этомъ отношеніи адвокатъ выше судьи. но судья выше адвоката въ другомъ отношеніи, ибо ему принадлежитъ рѣшающее слово—принять или не принять предлагаемое адвокатомъ освѣщеніе даннаго конкретнаго факта.

Въ исполненіе своей общественной функціи защитникъ не только можетъ, но и долженъ защищать подсудимаго, не стѣсняясь своимъ личнымъ мнѣніемъ о его виновности, ибо содержаніе его общественной задачи въ томъ и состоитъ, чтобы не допускать признанія виновности при его недоказанности *).

Противъ этого вполнѣ правильнаго взгляда покойнаго проф. Фойницкаго на обязанности защитника въ уголовномъ процессѣ возстаетъ Е. В. Васьковскій, утверждающій, что адвокатъ обязанъ защищать подсудимаго лишь постольку, поскольку это требуютъ интересы общества, и не долженъ подъ страхомъ оказаться „обѣлителемъ" или „bravo" защищать подсудимаго, хотя бы сей послѣдній этого не заслуживалъ **).

Эта неустойчивость во взглядахъ на обязанности защитника и послужила основаніемъ къ тому, что и въ обществѣ совершенно неосновательно создалось представленіе объ адвокатахъ, какъ софистахъ новаго времени, прелюбодѣяхъ слова.

Взглядъ Васьковскаго и др. на обязанности защитника безусловно ошибоченъ и какъ совершенно вѣрно замѣтилъ въ своей публичной лекціи покойный О. Я. Пергаментъ, предварительное разрѣшеніе адвокатомъ вопроса о степени виновности и вводитъ въ функціи адвоката элементъ судеб-

*) Фойницкій, н. соч., стр. 22.
**) Васьковскій, н. соч. т. II, стр. 13.

наго отношенія, т. е. моментъ совершенно чуждый задачамъ адвокатуры *).

Итакъ, адвокаты—это спеціалисты-правовѣды, защищающіе на судѣ права индивидуальныхъ лицъ во имя и въ интересахъ общественнаго блага.

Являясь на помощь угнетенному, а часто и невинному, говоритъ проф. Фойницкій **), защита представляется одной изъ благороднѣйшихъ аренъ юридической дѣятельности. Доставляя высокое самоудовлетвореніе и постоянно обращая на себя сочувственные взоры общества, защитительная профессія вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ огромную важность и для организма государственнаго. Правильная постановка и твердая организація защиты необходимы не только и даже не столько въ интересахъ отдѣльныхъ подсудимыхъ сколько въ интересахъ судебной правды и судебнаго достоинства, потому что этимъ уравновѣшиваются силы сторонъ, и суду открывается возможность занять между ними высокое положеніе.

Общественныя задачи адвокатуры въ гражданскомъ процессѣ не менѣе важны, чѣмъ и въ уголовномъ процессѣ.

Адвокатъ, расширяетъ рамки стараго закона, дополняетъ его, вдохновляясь идсей закона, создаетъ въ его духѣ если не новыя нормы, то новое ихъ примѣненіе, медленно и постепенно

---

*) Пергаментъ. „Общественныя задачи адвокатуры", стр. 15.

**) Фойницкій. Защита въ уголовномъ процессѣ, какъ служеніе общественное. СПБ. 1885 г., стр. 24.

побѣждаетъ консерватизмъ суда, создавая въ результатѣ т. н. право юристовъ, судебную практику.

Такое правотворящее значеніе имѣетъ адвокатское служеніе во всѣхъ областяхъ права. Жалкія обрывочныя нормы нашихъ гражданскихъ законовъ, не отвѣчающія ни условіямъ, ни требованіямъ жизни, поддерживаются тѣмъ дѣйствительнымъ по виду, но въ сущности основнымъ юридическимъ матеріаломъ, который содержится въ нашей кассаціонной практикѣ. Кѣмъ же вызвана къ жизни эта практика? Откуда она черпала основанія для своихъ положеній и заключеній, какъ не изъ работъ адвокатовъ, какъ правозаступниковъ тяжущихся *).

Объективная норма, на которой зиждется субъективное право, не въ состояніи разрѣшать всѣ возникающія въ сферѣ ея области правоотношенія. Законъ не въ состояніи поспѣть за жизнью и ея неудержимымъ прогрессомъ. Ежедневно возникающія своеобразныя отношенія и ихъ формы, вѣчно движущаяся жизнь съ ея нарождающимися потребностями, постоянно опережаютъ законъ. Новыя отношенія, новыя потребности, вызываютъ необходимость новыхъ нормъ. Адвокатура, создавая, съ одной стороны, новыя нормы для новородившихся отношеній, съ другой, содѣйствуетъ если не юридической, то фактической отмѣнѣ тѣхъ обветшалыхъ нормъ, которыя уже не находятся въ

*) Пергаментъ, н. соч. стр. 17.

соотвѣтствіи съ требованіями жизни. И въ области уголовнаго и гражданскаго права нерѣдко удавалось адвокатурѣ добиваться непримѣненія тѣхъ или другихъ отжившихъ нормъ, которыя такъ сказать, постепенно приходили in desuetudinem.

Стоя ближе всѣхъ къ конкретному факту, связывая его съ юридическою нормою, адвокатъ расширяетъ и суживаетъ самый законъ. Онъ творитъ право. Ни у кого такъ мысль не напряжена въ сторону извлеченія изъ даннаго живого матеріала юридической нормы, какъ у него.

„Адвокатъ, говоритъ знаменитый брюссельскій адвокатъ Пикаръ, испытуетъ, углубляется, взрываетъ—и гдѣ только возникаетъ сомнѣніе, онъ выводитъ его наружу. Каждый мигъ въ судебныхъ преніяхъ приноситъ нѣчто новое. Оно зарождается, растетъ и зрѣетъ у адвокатской каѳедры, въ пылу взаимныхъ защитъ, сѣмена коихъ всходятъ въ судебномъ рѣшеніи и если иногда приходится защищать безъ надежды на успѣхъ, вопреки общепринятымъ взглядамъ, только во имя идеи права, то зато для насъ нѣтъ выше тріумфа, какъ видѣть судъ покидающимъ установленные пути толкованія".

„Адвокатъ, въ силу условій своей дѣятельности, необходимо является служителемъ и творцомъ права. Эта единственная характерная особенность неизмѣнно присуща дѣятельности адвоката во всѣ времена. Передаваясь изъ по-

колѣнія въ поколѣніе, изъ страны въ страну, она укрѣпляетъ вѣру въ силу правового начала и сознаніе общественной миссіи адвокатуры *).

Въ гражданскомъ процессѣ борятся между собою два члена общества. Для общества важно, чтобы побѣдилъ тотъ изъ нихъ, который правъ, такъ какъ все общественное благосостояніе, свобода оборотовъ, нравственность народа и миръ въ семействахъ зависитъ, по вѣрному замѣчанію Миттермайера, отъ убѣжденія частныхъ лицъ въ справедливомъ и быстромъ окончаніи процессовъ. Вслѣдствіе этого, обществу необходимо, въ своихъ собственныхъ интересахъ, взять подъ свою защиту право тяжущагося и отрядить для защиты его на судѣ своего уполномоченнаго, которымъ опять таки долженъ служить адвокатъ. Но такъ какъ нельзя заранѣе сказать, которая изъ тяжущихся сторонъ права, то общество обязано дать своихъ уполномоченныхъ каждой изъ нихъ съ тѣмъ, чтобы они слѣдили за правильнымъ и быстрымъ разборомъ дѣлъ **).

Между государственными и общественными интересами нѣтъ различія. Государство, въ своей пререссивной дѣятельности, конечно, должно было бы преслѣдовать только интересы общества, но въ дѣйствительности не всегда это возможно. Между интересами государства и общества часто возникаетъ нѣкоторый антогонизмъ и тождество

---

*) М. М. Винаверъ. „Очерки объ адвокатурѣ", СПБ., 1902 г., стр. 9.
**) Васьковскій, н. соч. II, 1—18.

интересовъ того или другого на дѣлѣ почти не бываетъ, потому что государство, какъ отношеніе господства и подчиненія, никогда не совпадаетъ съ волей общества. Антогонизмъ между интересами государства и общества въ нѣкоторыхъ государствахъ и въ извѣстныя эпохи ярче всего проявляется въ особыхъ котегоріяхъ дѣлъ, которыя почему-то причисляются къ уголовнымъ дѣламъ и выдѣляются въ особую рубрику дѣлъ политическихъ и религіозныхъ. Въ моменты неустойчиваго равновѣсія, переживаемые государствомъ, послѣднее при посредствѣ своихъ органовъ простираетъ свою карательную власть болѣе, чѣмъ это желательно обществу, стѣсняетъ и подавляетъ личную свободу гражданъ и тѣмъ самымъ нарушаетъ интересы общества, какъ совокупность этихъ отдѣльныхъ гражданъ, Тутъ вѣчная, глухая, а порой и явная борьба: На одной сторонѣ стремленіе распространить возможно больше репрессивную дѣятельность; на другой—борьба за свободу отдѣльныхъ лицъ и стремленіе ограничить эту репрессивную дѣятельность до размѣровъ, необходимыхъ для общаго блага. Естественно, что при такихъ условіяхъ общество, интересъ котораго непосредственно нарушается, возстаетъ, борется противъ попытокъ принятія репрессивныхъ мѣръ, борется законно въ лицѣ своихъ уполномоченныхъ, вооруженныхъ силой знанія и мужествомъ убѣжденій—адвокатовъ. И въ этомъ великая общественная заслуга адвокатуры, какъ сословія независимаго, стоящаго на

Ворота зданія Московскихъ судебныхъ установленій.

стражѣ интересовъ общества и неприкосновенности правъ отдѣльныхъ его членовъ.

На адвокатѣ лежатъ и другія общественныя обязанности. „Борьба, и притомъ принципіальная,—такое законное и естественное явленіе соціальнаго быта, безъ котораго немыслима никакая общественная эволюція, невозможенъ и человѣческій прогрессъ. Сословіе адвокатовъ по самой природѣ вещей должно выдѣлять изъ себя готовые кадры наиболѣе испытанныхъ и способныхъ борцовъ за высокіе общественные идеалы, ибо нѣтъ такой профессіи, которая такъ же близко соприкасалась бы со всѣми сторонами быта и воочію убѣждалась бы въ его истинныхъ потребностяхъ и нуждахъ; если прибавить къ этому культивируемую въ сословіи привычку къ публичному слову и пріобрѣтаемую въ судебныхъ состязаніяхъ боевую опытность, то доминирующая роль адвокатуры во всякой борьбѣ, захватывающей общественные интересы, становится не только совершенно понятной, но необходимой“ *).

Эту общественную миссію адвокатура, чтобы быть на высотѣ своего призванія, должна всегда сознавать и проявлять.

Если адвокаты призваны защищать на судѣ общественные интересы, то они, по мнѣнію многихъ видныхъ нашихъ юристовъ и публицистовъ, не могутъ быть въ то же время представителями самихъ тяжущихся, ибо нельзя служить

*) Ср. XXXVIII отчетъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ округа Московской Судебн. Палаты за 1903—1904. Москва 1904, стр. 466.

въ одно и тоже время двумъ господамъ безъ ущерба для одного изъ нихъ. Иными словами, адвокатура должна быть освобождена отъ судебнаго представительства, какъ это сдѣлано въ тѣхъ странахъ, гдѣ она достигла наибольшаго процвѣтанія: во Франціи и Англіи. Наряду съ сословіемъ адвокатовъ тамъ существуетъ особый классъ ходатаевъ и повѣренныхъ. Адвокаты не считаются представителями тяжущихся и не могутъ замѣщать ихъ въ процессѣ; ихъ дѣятельность ограничивается подачей юридическихъ совѣтовъ, сочиненіемъ важныхъ судебныхъ бумагъ и устной защитой на судѣ. Напротивъ, повѣренные служатъ полными представителями сторонъ, являются вмѣсто нихъ въ судъ, избавляя ихъ отъ личнаго совершенія процессуальныхъ дѣйствій. Другими словами, адвокаты не отождествляются съ тяжущимися сторонами, не видятъ въ нихъ своихъ принципаловъ, а находятся въ такомъ же отношеніи къ нимъ, какъ прокуроры къ потерпѣвшимъ. Благодаря этому, они имѣютъ возможность сохранять свою независимость отъ кліентовъ и, не слѣдуя безпрекословно ихъ требованіямъ, блюсти на судѣ общественные интересы. Между тѣмъ, при совмѣщеніи адвокатуры съ судебнымъ представительствомъ, какъ это принято у насъ, адвокатъ, являясь на судѣ представителемъ своего кліента, поневолѣ отождествляется съ нимъ и становится въ глазахъ суда и общества, а нерѣдко въ своихъ собственныхъ, двойникомъ тя-

жущагося, его юридическимъ толмачемъ, агентомъ и маклеромъ. Само собой понятно, что въ такомъ случаѣ идея общественнаго служенія стушевывается и отступаетъ на заднiй планъ предъ обязанностью блюсти интересы клiента *).

Такое мнѣнiе Е. В. Васьковскаго, которому принадлежитъ честь изложенiя прекрасно и послѣдовательно проведенной конструкцiи общественнаго характера адвокатуры. Этотъ взглядъ на необходимость раздѣленiя адвокатуры по примѣру французской адвокатуры на avoués и avocats находитъ себѣ много сторонниковъ и въ рядахъ нашей адвокатуры, среди видныхъ юристовъ и общественныхъ дѣятелей.

Чтобы дать оцѣнку этому взгляду по столь важному вопросу организацiи адвокатуры считаемъ умѣстнымъ привести мнѣнiе извѣстнаго французскаго адвоката Леона Клери о современномъ положенiи французской адвокатуры **).

Настоящею болячкою, особенно при современномъ развитiи конкуренцiи и жестокости прiемовъ въ борьбѣ за существованiе, Клери считаетъ раздѣленiе французской адвокатуры на avoués и avocats. Повѣренными, дѣльцами, въ собственномъ значенiи этого слова, являются лишь avoués, состоящiе при той или другой судебной инстанцiи,

---

*) Н. П. Карабчевскiй: „Около правосудiя". Спб. 1908 г. — Léon Clèry „Souvenirs du Palais".

**) Васьковскiй. „Организ. адвокатъ". II, гл. V.

тогда какъ адвокаты du barreau составляютъ независимое и свободное сословіе, такъ сказать публичныхъ судебныхъ ораторовъ.

Клери отмѣчаетъ, во что выродилось это, по его мнѣнію, искусственное и не отвѣчающее своему назначенію дробленіе адвокатской дѣятельности. Вмѣсто солидарной, дружной работы и общности взаимныхъ интересовъ, avoués и avocats представляютъ теперь собою два глухо враждующихъ лагеря завистниковъ и конкурентовъ.

Первые, т. е. avoués сидящіе на своихъ насиженныхъ, достающихся имъ или по наслѣдству, или дорогою покупкою, мѣстахъ, точно такъ же, какъ и стряпчіе, при коммерческихъ судахъ, aggreés, образуютъ собою вполнѣ своеобразную касту дѣльцовъ, преданныхъ исключительно своекорыстнымъ матеріальнымъ интересамъ, чуждыхъ духу прогресса, видящихъ лишь въ судебнопроизводственной рутинѣ свой надежный оплотъ и весь свой raison d'etre.

Рѣдко выступающіе публично, избѣгающіе шума и гласности, стряпающіе въ тиши своихъ кабинетовъ кляузныя бумаги, которымъ до сихъ поръ, присущъ еще чистокровный судейскій жаргонъ былыхъ временъ, эти господа почти не несутъ на себѣ даже нравственной отвѣтственности за исходъ процесса. Всякій неуспѣхъ, всякій проигрышъ имъ легко приписать неискусству плэдирующаго адвоката и сдѣлать его одного отвѣтственнымъ не только въ глазахъ общества,

но и кліента. Вѣдь не avoué, а avocat выступаетъ публично, говоритъ во всеуслышаніе, обѣляетъ кліента и распинается за него. Стало быть, съ него и надо спрашивать.

А между тѣмъ у предвѣрія каждаго процесса стоитъ avoué. Его контора десятками лѣтъ, если не вѣками, сплетаетъ свою паутину дѣловыхъ отношеній, связей и знакомствъ.

Нуждающійся въ совѣтѣ, въ руководствѣ, не говоря уже о прямомъ возбужденіи судебнаго процесса, и по мысли закона, и по традиціи идетъ прямо въ контору avoué. Здѣсь онъ сразу попадаетъ въ искусныя и цѣпкія лапы, которыя его уже не выпускаютъ до конца процесса. Здѣсь вносятся крупные авансы на веденіе дѣла, здѣсь заключаются условія при помощи подставныхъ лицъ на случай выигрыша крупнаго процесса, здѣсь любовь явленіе дѣйствительной жизни, въ которомъ еще бьется и трепещетъ живая современность, сразу втискивается въ условныя рамки чисто цеховыхъ и рутинныхъ пріемовъ.

Миролюбивое окончаніе дѣлъ, широкая область юрисконсульства, наконецъ первоначальная постановка и направленіе процесса, все это по разъ установившемуся обычаю всецѣло въ рукахъ avoués, нерѣдко мало отвѣчающихъ и въ умственномъ и нравственномъ отношеніи высотѣ лежащихъ на нихъ задачъ. Настоящій avocat, avocat du barreau—краса и гордость французской адвокатуры—въ конфликтахъ юридическаго свой-

ства выступаетъ гораздо позже... или не выступаетъ вовсе.

По закону и обычаю его функціи отнюдь не могутъ опредѣляться ни договоромъ личнаго найма, ни договоромъ довѣренности. Ни то, ни другое не было бы совмѣстно съ его достоинствомъ. Онъ не можемъ принимать участія въ дѣлѣ, ни въ качествѣ повѣреннаго, ни въ качествѣ наемника. Онъ не въ правѣ заключать условія о гонорарѣ, не въ правѣ выдавать и расписокъ.

Выступая на защиту кліента, онъ такъ сказать, вырастаетъ изъ подъ земли въ качествѣ классическаго римскаго патрона, заслоняющаго своею широкою тогою уже привлеченнаго, судимаго, затронутаго процессомъ. И такъ какъ претендовать на гонораръ, а тѣмъ паче искать его требовать онъ не въ правѣ, то еслибъ современнымъ французамъ-кліентамъ по примѣру ихъ римскихъ собратій вздумалось ограничивать выраженіе своей признательности къ адвокату классическимъ обсаживаніемъ его полисадника березами,—ему бы оставалось только питаться березовымъ сокомъ.

Гражданскія правоотношенія очевидно совершенно немыслимы въ нашъ суровый и меркантильный вѣкъ. Зато отъ нихъ и уцѣлѣла одна только фикція. Въ обходъ закона и обычая дѣйствительность нагромождаетъ во взаимныхъ отношеніяхъ кліента къ адвокату столько услов-

наго, лживаго и ненормальнаго, что лишь одни avoués самодовольно еще потираютъ себѣ руки, адвокаты же и кліенты одинаково крехтятъ.

Н. П. Карабчевскій указываетъ, что эта характеристика взаимныхъ отношеній адвокатовъ и avoués принадлежитъ не только Клери, но вполнѣ подтверждается и его личными наблюденіями надъ профессіональнымъ положеніемъ современныхъ парижскихъ адвокатовъ и ихъ собственныя, хотя и исключительно интимныя, воззрѣнія на этотъ предметъ *).

По словамъ Клери, все увеличивающійся личный составъ парижскаго „Barreau“ претерпѣваетъ не шуточныя матеріальныя затрудненія и не только въ лицѣ своихъ начинающихъ членовъ, но и такихъ адвокатовъ, которые давно составили себѣ почетное имя. Въ послѣднее время они все охотнѣе и охотнѣе мѣняютъ свою профессію на государственную службу. И неудивительно. Не кліентъ, не общество кормитъ адвоката; его кормитъ и, разумѣется, по возможности впроголодь, avoués и hommes d'affaires — тунеядные посредники между обществомъ и адвокатомъ, умудряющіеся, благодаря разъ установившейся рутинѣ, жать не сѣя, и обогащаться не работая.

По словамъ Н. П. Карабчевскаго, судебные пристава, нотаріусы и авуэ — вотъ настоящіе церберы, сторожащіе всѣ входы храма право-

---

*) Ibidem, стр. 62.

судія. Не стѣсненные никакими сословными традиціями, не признающіе никакихъ условныхъ тонкостей, свободные отъ товарищескаго суда чести, подчиненные исключительно формальному подбору тѣхъ судебныхъ мѣстъ, при которыхъ состоятъ, они противоставляютъ дисциплинированной адвокатской сдержанности ничѣмъ нестѣсняемую развязность и смѣлость.

По отзыву Клери, вокругъ этихъ господъ или, какъ онъ ихъ называетъ „соціальныхъ органовъ адвокатской кліентуры“ толпятся адвокаты, на перебой заискивающіе въ нихъ.

Замѣчанія и жалобы Клери на ненормальныя условія, въ которыя поставлена дѣятельность французскихъ адвокатовъ, вызвало соотвѣтствующее движеніе французскаго общества, которое обратило должное вниманіе на эту важную сторону затронутаго адвокатскаго вопроса.

По этому поводу Н. П. Карабчевскій указываетъ, что еще со временъ Мольера во французской литературѣ не прекращаются нападки, которые отъ времени до времени обостряются, посылающіеся именно по адресу этой сложной, условной и мало доступной для публики организаціи взаимныхъ отношеній кліента и адвоката.

Не дожидаясь впрочемъ какой либо оффиціальной реформы, жизнь, какъ это всегда и бываетъ, пошла на встрѣчу дѣйствительной потребности и, хотя бы путемъ разныхъ компромиссовъ, бумажныхъ соглашеній и умолчаній, съ каждымъ днемъ стремится все болѣе и болѣе

упростить то, что по самому существу своему должно быть просто и чуждо условныхъ формальностей.

Уже и въ настоящее время большинство адвокатовъ du barreau, не ограничиваясь лишь честью плэдировать передъ нерѣдко дремлющими судьями подлежащей инстанціи по дѣламъ, которыми ихъ соблаговолятъ осчастливить авуэ, преисправно сами розыскиваютъ себѣ кліентовъ, открываютъ свои кабинеты для консультаціи, и хотя не оффиціально, но охотно, принимаютъ на себя, такъ сказать, подрядъ и рискъ по веденію всего дѣла *).

Дѣленіе французской адвокатуры на avoues и avocats, какъ извѣстно, не принято вовсе русскимъ законодательствомъ.

Въ объяснительной запискѣ Государственнаго Совѣта изложены мотивы и цѣль учрежденія у насъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ (журн. соедин. департаментовъ Государственнаго Совѣта о преобразованіи судебн. части въ Россіи, 1862, № 65, стр. 339). „Одна изъ причинъ неуспѣшнаго хода гражданскихъ дѣлъ въ настоящее время, по мнѣнію Государственнаго Совѣта, заключается въ томъ, что у насъ не существуетъ признаннаго правительствомъ сословія повѣренныхъ, которое, какъ по своему знанію дѣла, такъ и по нравственнымъ качествамъ и юридическимъ познаніямъ своихъ членовъ, удовлетво-

*) Ibidem, стр. 68.

ряли бы своему призванію. Отъ того наши повѣренные, остающіеся при существующемъ порядкѣ негласными, не всегда оправдываютъ истинное назначеніе этого важнаго въ судебномъ вѣдомствѣ сословія. Для исправленія сей части нашего судопроизводства, соединенные департаменты признаютъ необходимымъ ввести у насъ учрежденіе присяжныхъ повѣренныхъ, *безъ которыхъ рѣшительно невозможно будетъ введеніе состязанія въ гражданскомъ, и судебныхъ преній въ уголовномъ судопроизводствѣ, съ цѣлью раскрытія истины и представленія полной защиты тяжущимся и обвиняемымъ предъ судомъ. Но для того, чтобы это сословіе представляло вѣрныя ручательства нравственности, знанія и честности убѣжденій, должно, съ самаго его учрежденія, держаться строгаго выбора лицъ на должность повѣренныхъ и установить за ними такой надзоръ, который не лишая ихъ необходимой для защиты ихъ довѣрителей самостоятельности, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ одной стороны, способствовалъ бы скорому и дѣйствительному огражденію частныхъ лицъ отъ стѣсненій повѣренныхъ, а съ другой—служилъ бы средствомъ къ водворенію и поддержанію между ними самими чувства правды, чести и сознанія нравственной отвѣтственности предъ правительствомъ и обществомъ* *). Для достиженія сей цѣли, необходимо постановить, что къ числу присяжныхъ повѣренныхъ могутъ приписы-

---

*) Курсивъ нашъ.

ваться только лица, неопороченныя судомъ и не моложе 25-ти лѣтъ, имѣющія при томъ аттестаты университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, объ окончаніи съ успѣхомъ курса ученія, или о выдержаніи экзамена въ юридическихъ наукахъ, если они, сверхъ того, прослужили по судебному вѣдомству не менѣе пяти лѣтъ, или занимались въ теченіе этого времени судебною практикою подъ руководствомъ присяжныхъ повѣренныхъ, въ качествѣ ихъ помощниковъ".

Судебные уставы 20 ноября 1864 г. не создали особаго сословія помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. По ст. 354 учр. суд. уст., присяжными повѣренными могутъ быть лица, окончившія курсъ юридическихъ наукъ, если они сверхъ того прослужили не менѣе пяти лѣтъ по судебному вѣдомству, или занимались судебною практикою подъ руководствомъ присяжныхъ повѣренныхъ *въ качествѣ ихъ помощниковъ*. Но это единственная статья о помощникахъ. Законъ не указываетъ, какъ организуется это сословіе, кто можетъ вступать въ него, на кого возлагается дисциплинарный надзоръ за его членами, какія слѣдуетъ принимать мѣры для приготовленія ихъ къ званію присяжнаго повѣреннаго. Этотъ пробѣлъ въ законодательствѣ затѣмъ и былъ восполненъ практикою Совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ.

Прежде да, и теперь какъ мы указали, раздвоеніе адвокатуры находитъ себѣ многихъ сторонниковъ исчитается благодѣтельнымъ учре-

жденіемъ, обезпечивающимъ французской адвокатурѣ и чистоту нравовъ, и безкорыстность общественнаго служенія.

„Намъ представляется, что русская адвокатура много выиграла отъ того, что наши Судебные Уставы отказались ввести это благодѣтельное раздвоеніе въ организацію нашей адвокатуры, хотя, къ сожалѣнію, впослѣдствіи при *искаженіи* судебныхъ уставовъ, этому искаженію подверглась и первоначальная организація нашей адвокатуры. Искаженіемъ устройства адвокатуры по судебнымъ уставамъ, говоритъ А. Ѳ. Кони, явилось учрежденіе частныхъ ходатаевъ, возникшихъ наряду съ сословіемъ присяжныхъ повѣренныхъ, но не имѣющихъ корпоративнаго устройства и не несущихъ отвѣтственности, нравственной и дисциплинарной предъ своими сотоварищами по профессіи По мысли составителей уставовъ, сословіе присяжныхъ повѣренныхъ являлось необходимою составною частью судебнаго организма, содѣйствующею ему въ правильномъ отправленіи правосудія. Частные ходатаи, умоляя достоинство адвокатуры и внося въ нее недостаточное знаніе, а также неразборчивость пріемовъ, во многомъ содѣйствовали сложившемуся въ обществѣ недоброжелательному взгляду на адвокатуру вообще“ *).

Наши частные ходатаи, по характеру своей дѣятельности, тѣ же французскіе avoués, обликъ

*) А. Ѳ. Кони. Отцы и дѣти судебной реформы (къ пятидесятилѣтію судебныхъ уставовъ). Послѣсловіе стр. 5—6. Москва. 1914 г.

которыхъ такъ прекрасно обрисованъ Н. П. Карабчевскимъ въ выше цитированной нами его работѣ.

Въ уголовномъ процессѣ, адвокаты, въ качествѣ представителей общества, состязаются съ прокурорами, какъ представителями государственной власти. Въ виду того, что тѣ и другіе охраняютъ противоположные и въ то же время одинаково важные интересы, адвокатурѣ какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ г. Васьковскій необходимо даровать полную независимость отъ прокуратуры и безусловную равноправность съ нею. Иначе поединокъ будетъ неравенъ: у одного борца будетъ больше простора и лучшее оружіе, нежели у другого. При такихъ условіяхъ исходы состязаній зачастую окажутся несоотвѣтствующими справедливости и будутъ подрывать авторитетъ судебной власти.

Такая же независимость и равноправность нужны адвокатурѣ по отношенію къ суду. Адвокатъ—не низшій вспомогательный органъ суда, вродѣ напр., судебнаго пристава, а подобно прокурору, совершенно самостоятельный дѣятель. Поэтому, ставить его въ подчиненность суду, съ одной стороны, нѣтъ никакого разумнаго основанія, а съ другой — было бы вредно для отправленія правосудія, такъ какъ одно колесо судопроизводственнаго механизма стѣсняло бы самостоятельную дѣятельность другого *).

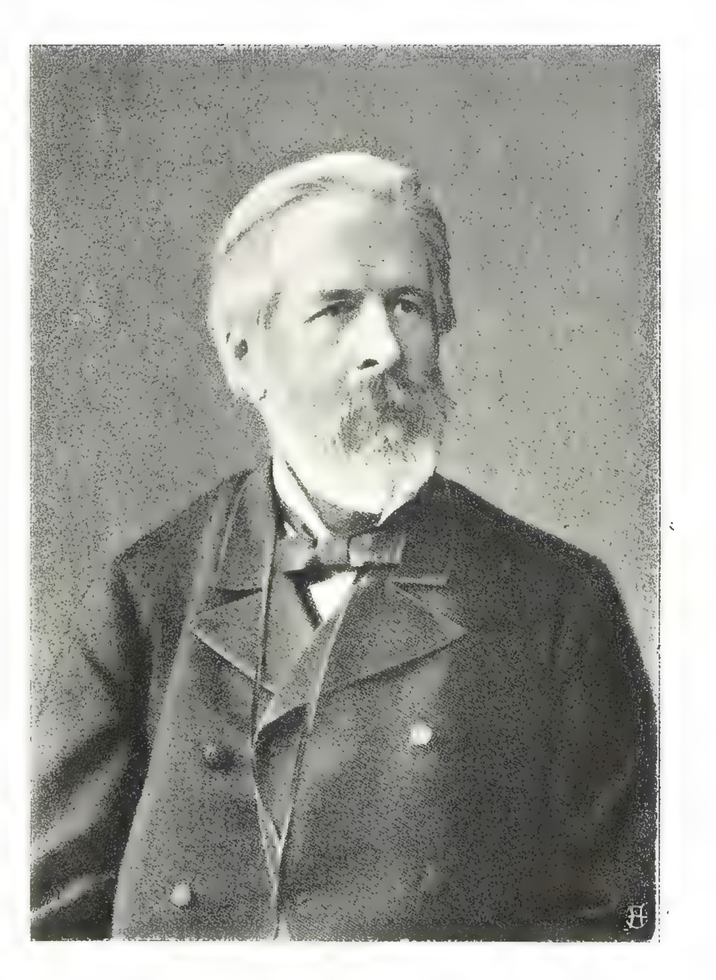
*) Васьковскій, „Организ. адвокат.“, II, 20, 21, 191, 192.

Широкая, ясная и глубоко обдуманная постановка Государственнымъ Совѣтомъ вопроса объ адвокатурѣ—лучшая страница въ исторіи созданія нашихъ судебныхъ уставовъ. По мысли Государственнаго Совѣта, перешедшей въ законъ, центръ тяжести сводился не къ усиленію внѣшняго контроля и не въ установленіи связи съ государственнымъ интересомъ, какъ таковымъ, а въ томъ, чтобы укрѣпить сознаніе общественной задачи адвокатуры и вытекающую изъ этого отвѣтственность передъ обществомъ; чтобы рядомъ съ этимъ предоставить адвокатурѣ независимость и дать ему возможность требовать исполненія закона.

Судебно-общественная дѣятельность и сословная автономія нашей адвокатуры, какъ основные принципы, усвоенные нашимъ законодательствомъ, сдѣлали то, что наша адвокатура стала неотъемлемою принадлежностью новаго судебнаго строя.

Въ виду того, что адвокатура поставлена законодателемъ въ независимое положеніе отъ прокурорскаго надзора и суда, естественнымъ послѣдствіемъ явилось то, что судебные уставы ввѣрили дисциплинарный судъ Совѣту, а избраніе Совѣта—всему сословію.

Необходимость такого органа сознана всѣми цивилизованными государствами Европы и доказана пятидесятьюлѣтнею дѣятельностью нашихъ Совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ учрежденныхъ при округахъ нѣкоторыхъ Судебн. Палатъ.

Дмитрій Васильевичъ Стасовъ.

Первый Предсѣдатель Петроградскаго Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ.

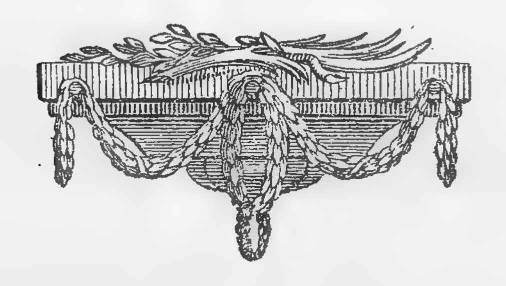
Константинъ Константиновичъ Арсеньевъ.

Одинъ изъ первыхъ нашихъ Batonier, маститый К. К. Арсеньевъ съ высокимъ достоинствомъ несшій съ 1867 по 1873 г. почетное званіе Предсѣдателя Петроградскаго Совѣта Присяжныхъ Повѣренныхъ, стремился создать изъ адвокатуры общественную силу, достойную быть дополненіемъ и опорою магистратуры. Онъ — предъявилъ рядъ настойчивыхъ ходатайствъ объ исполненіи требованій судебныхъ уставовъ относительно организаціи *сословія* присяжныхъ повѣренныхъ,— боролся, какъ могъ, противъ введенія вреднаго и понижающаго правильное понятіе объ адвокатурѣ учрежденія *частныхъ повѣренныхъ* и выработалъ цѣлый рядъ постановленій, устанавливающихъ этическія требованія, тѣсно связанныя съ существомъ дѣятельности адвокатуры, какъ представительницы общественнаго служенія. Въ связи съ этимъ Совѣтъ, при дѣятельномъ участіи и трудѣ Арсеньева. опредѣлилъ свои судебныя и административныя функціи, объемъ своей подсудности и характеръ тѣхъ отдѣльныхъ поступковъ и цѣлаго поведенія, которое исключаютъ возможность пребыванія въ составѣ организованной адвокатуры лицъ, не соотвѣтствующихъ ея задачамъ или нравственному строю *).

Требованіе высокаго, умственнаго и нравственнаго ценза отъ лицъ, желающихъ посвятить себя адвокатурѣ, незапятнанная репутація, высшее юридическое образованіе и надлежащая

*) А. Ѳ. Кони. „Отцы и дѣти судебной реформы", стр. 241.

практическая подготовка подъ надзоромъ органовъ адвокатской корпораціи — явились необходимыми условіями для допущенія къ профессіи. При строгомъ соблюденіи этихъ условій— никакого другого контроля за дѣятельностью органовъ сословнаго самоуправленія, само собою, не требуется, такъ какъ они могутъ служить лучшей гарантіей самоуправляющагося сословія, независящаго отъ судебныхъ властей, и эти же условія всегда будутъ служить сдерживающимъ началомъ отъ злоупотребленія своею независимостью.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I-я ЧАСТЬ.

стр.

Введеніе. V

I. Адвокатура древняго міра.

Аѳины. Изученіе права. Судебные ораторы. Законъ Солона. Біасъ и Ѳемистоклъ. Логографы. Ораторское искусство. Периклъ. Антифанъ. Изократъ. Исей. Ликургъ. Эсхинъ. Демосѳенъ. Римъ. Судебный патронатъ патриціевъ. Вліяніе Греціи. Институтъ преторства. Римскій форумъ. Адвокаты и юрисконсульты. Гонораръ адвокатовъ. Сословный надзоръ. Свободный доступъ къ адвокатской профессіи. Аудиторія адвоката. Судебное краснорѣчіе. Образованіе адвоката и отношеніе его къ судебной защитѣ. Судебные ораторы: Катонъ, Крассъ, Антоній, Гортензія и Цицеронъ. Ульпіанъ и регламентація адвокатуры. 1

II. Англійская адвокатура.

Борьба національныхъ элементовъ. Побѣда представителей народнаго права. Великая хартія XIII столѣтія и англійское судоустройство. Корпорація адвокатовъ. Коллегіи—Inns of Court. Совѣты коллегій. Benchers. Стажъ и стажіеры. Общіе обѣды. Раздвоеніе адвокатуры. Solisitor и Barrister at law. Современное положеніе англійскаго адвоката. . . . .

III. Французская адвокатура. стр.

Сословіе французскихъ адвокатовъ. Борьба средневѣковаго уклада жизни съ централистическою Госуд. идеею. Адвокатская автономія. Адвокатскій списокъ. Общественное служеніе адвокатуры. Ограниченія. Ордонансъ 1539. Французская революція. Учредительное собраніе 1789 г. Робеспьеръ. Декретъ 2 сентября 1790 г. Конвентъ. Наполеонъ I и его отношеніе къ сословію адвокатовъ. Законъ 1810 г. объ устройствѣ адвокатской корпораціи. Власть генералъ-прокурора. Положеніе совѣта и старшины (bâtonier). Отмѣна стѣсненій законами 1822 и 1830 г.г. Абсолютизмъ Наполеона III и отношеніе судебной магистратуры къ адвокатамъ. Прокуратура Франціи. Современное положеніе французской адвокатуры. Кассаціонные адвокаты 28

IV. Бельгійская адвокатура.

„Свободная ассоціація" по акту 1832 г. Охрана либеральныхъ доктринъ. Борьба съ представителемъ прокуратуры. Отмѣна предписаній декрета 1810 г. Защита бѣдныхъ на судѣ. Адвокаты при кассаціонномъ судѣ. „Конференція молодой адвокатуры". „Комитетъ защиты дѣтей". „Общество колоніальныхъ изслѣдованій". „Международный институтъ библіографіи". Единеніе адвокатуры. Адвокатская реформа. Участіе адвокатуры въ соціальномъ движеніи страны 39

V. Адвокаты Германіи и Австріи.

Личный патронатъ. Отсутствіе сословной организаціи. Чиновно-ремесленная подготовка къ адвокатурѣ. Традиціи Фридриха Великаго. Экзамены для стажьеровъ. Пріемы конкуренціи среди адвокатовъ Австріи. Этнографическая пестрота австрійской адвокатуры. Провинціализація адвокатовъ. Проектъ реформы. Общественное положеніе и значеніе нѣмецкаго адвоката. Отзывы представителей верховнаго королевскаго суда объ адвокатахъ 45

VI. Русская адвокатура. стр.

Адвокатура древней Руси и въ эпоху Петра I. Стряпчество въ царствованіи Александра I. Московскій генералъ-губернаторъ князь Д. В. Голицынъ о значеніи адвокатовъ. Николай I и адвокаты 51

VII. Эпоха реформъ Александра II.

С. И. Зарудный и судебная реформа. В. П. Бутковъ. Основныя положенія переобразованія судебной части въ Россіи. Комиссія по разработкѣ судебн. уставовъ. В. Д. Спасовичъ. Манифестъ 1856 г. Утвержденіе уставовъ. Посѣщеніе 14 апрѣля 1866 г. Государемъ Императоромъ Александромъ II зданія судебныхъ установленій Петрограда и слова его обращенныя къ судебному персоналу. Министръ юстиціи Д. Н. Замятнинъ и рѣчь его къ первому составу присяжной адвокатуры. Обѣдъ 17 апрѣля 1866 г. А. Ѳ. Кони о судебномъ торжествѣ 60

VIII. Основныя задачи адвокатуры въ гражданскомъ и уголовномъ процессахъ.

Долженъ-ли защитникъ защищать подсудимаго. Проф. И. Я. Фойницкій. Е. В. Васьковскій. О. Я. Пергаментъ. Правотворящее значеніе адвокатскаго служенія. М. М. Винаверъ. Борьба адвокатуры за свободу отдѣльныхъ лицъ. Раздѣленіе адвокатуры. Е. В. Васьковскій. Леонъ Клери. Н. П. Карабчевскій. Объяснительная записка Госуд. Совѣта и мотивы учрежденія сословія присяжныхъ повѣренныхъ. Сословіе помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. А. Ѳ. Кони о раздвоеніи въ организаціи адвокатуры и объ искаженіи судебныхъ уставовъ. Равноправность и независимость адвокатуры отъ суда и прокуратуры. Общественныя задачи адвокатуры. Совѣтъ и дисциплинарный судъ. К. К. Арсеньевъ и его заслуги по укрѣпленію сословной организаціи присяжныхъ повѣренныхъ 70

II ЧАСТЬ.

I. Составъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ. О монополіи присяжныхъ повѣренныхъ. Права Совѣта по 380 ст. Учр. Суд. Уст. Характеръ и Значеніе дѣятельности Совѣта. Дисциплинарная власть Совѣта. Отношеніе Совѣта къ общему собранію присяжныхъ повѣренныхъ. Выборы предсѣдателя и членовъ Совѣта. Предвыборныя собранія. Вступленіе присяжныхъ повѣренныхъ въ присяжные стряпчіе

II. Помощники присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ организація. Комиссія Помощниковъ. Раздѣленіе на группы. Надзоръ за помощниками; ихъ отчетность и отвѣтственность. Стажъ. Консультація помощниковъ. Уголовныя защиты. Свидѣтельство на веденіе дѣлъ въ судѣ. Коммерческій судъ. Юридическія конференціи

III. Законъ 25 мая 1874 г. о частныхъ повѣренныхъ. Отношеніе этихъ повѣренныхъ къ суду и къ сословію присяжныхъ повѣренныхъ. Соціальное положеніе этой группы внѣ уставныхъ повѣренныхъ.

IV. Современное положеніе юридической защиты крестьянскаго населенія. Земская и крестьянская адвокатура.

III ЧАСТЬ.

I. Дѣятельность Совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ. Правила объ общихъ собраніяхъ. Quorum общихъ собраній. Обжалованіе постановленій общихъ собраній. Возбужденіе дисциплинарнаго производства. Участіе повѣренныхъ въ дисциплинарномъ производствѣ. Обжалованіе опредѣленій Совѣта. Запрещеніе практики. Адвокатская тайна. Реклама. Участіе въ общихъ собраніяхъ акціонеровъ. Адвокатура и печать. Азартныя игры. Вызовъ на дуэль по поводу исполненія профессіональныхъ обязанностей. Защита бѣдныхъ. На-

значенiе по очереди. Обязанности защитника назначеннаго судомъ. Такса и гонораръ по дѣламъ увѣчнымъ. Совмѣстительство. О взаимоотношенiяхъ адвокатуры и магистратуры. Вопросъ о комплектѣ.

II. Участiе сословiя въ законодательной работѣ. Отношенiе сословiя къ вопросамъ политической и общественной жизни. Еврейскiй и женскiе вопросы въ адвокатурѣ. Съѣздъ адвокатовъ. Библiотека. Адвокатскiй органъ печати. Бюро труда. Клубъ адвокатовъ. Адвокатскiй домъ.

III. Сословные сборы и обложенiе. Недоимки. Взаимная помощь. Благотворительные капиталы. Охрана дѣлъ и мущества умершихъ, арестованныхъ и больныхъ.

IV. Нападенiе противъ адвокатской профессiи. Отношенiе Совѣта и общества къ этимъ нападкамъ.

IV ЧАСТЬ.

I. Памятка о выдающихся членахъ русской присяжной адвокатуры: Д. В. Спасовичъ, А. И. Урусовъ, А. М. Унковскiй, Ѳ. Н. Плевако, В. И. Жуковскiй, П. А. Александровъ, В. Н. Герардъ, А. Я. Пассоверъ, А. Н. Турчаниновъ, В. В. Мазаракiй П. Г. Мироновъ, Н. I. Холева, Л. Куперникъ.

II. О домѣ своемъ.

III. Пожеланiя.

Работы того-же автора:

1. „Основныя начала уголовной системы А. Фейербаха“. Кіевъ. 1874 г.
2. „Институтъ Реабилитаціи“. СПБ. 1881 г.
3. „Лекціонная система преподаванія на юридическихъ факультетахъ“. СПБ. 1901 г.
4. „Поджогъ и борьба съ этимъ преступленіемъ“. СПБ. 1912 г.
5. „Вопросы экономической жизни“. СПБ. 1911 г.

По вопросу объ алкоголизмѣ:

1. Кабакъ и его прошлое (историческій очеркъ).
2. Итоги винной монополіи.
3. Всероссійскій съѣздъ по борьбѣ съ пьянствомъ.
4. Готтенборгская система продажи спиртн. напитковъ.
5. Алкоголизмъ и самоубійство.
6. Пьянство среди дѣтей (съ 8-ю рисунками).
7. Алкоголизмъ и проституція.
8. Графъ Л. Н. Толстой о пьянствѣ (съ портр. гр. Толстого).
9. Проф. А. Форель о пьянствѣ (съ портр. проф. Фореля).
10. С. А. Рачинскій о пьянствѣ (съ портр. Рачинскаго).
11. Значеніе чайныхъ въ борьбѣ съ пьянствомъ.
12. Пьянство во время холеры.
13. Лечебницы для пьяницъ.
14. Значеніе школы въ борьбѣ съ пьянствомъ.
15. Журналъ „Трезвость и Бережливость“ за 1902 г.
16. Тотъ-же журналъ на 1903 годъ.
17. Тотъ-же журналъ за 1904 годъ.
18. Таблицы съ рисунками. Наглядное пособіе для школъ; 6 таблицъ.
19. Аншлаги на стѣны для школъ, библіотекъ и читаленъ съ тезисами о вредѣ пьянства; 15 аншлаговъ.

20. Итоги работъ перваго Всероссійск. съѣзда по борьбѣ съ пьянств.
21. Учебникъ для школъ. Спеціальный курсъ преподав. въ народн. школахъ о вредѣ пьянства, пользѣ воздержанія и трезвости.
22. Народныя развлеченія и театръ.
23. Попечительство о народной трезвости.
24. Послѣднее слово о винной монополии и наканунѣ перваго Всероссійскаао съѣзда по борьбѣ съ пьянствомъ.
25. Борцы и мученики за трезвость (Откр. письмо къ русск. общ.).
26. Борьба съ пьянствомъ. „Въ трезвомъ бюджетѣ—трезвая побѣда".

По пожарному вопросу:

1. Международный пожарный конгрессъ.
2. Пожарность въ зависимости отъ матеріала кровель.
3. Значеніе власти и права огневой охраны во время пожаровъ.
4. Пенсіонныя и вспомогательныя кассы для пожарныхъ дѣятелей.
5. Двѣнадцатый годъ. Пожаръ Москвы (съ 19 рисунками и планомъ Москвы 1812 г. послѣ пожара).
6. Бюджетъ добровольныхъ пожарн. обществъ и дружинъ.
7. Пожарная охрана лѣсовъ.
8. Значеніе добровольныхъ пожарныхъ организацій.
9. Крупный и важный починъ.
10. Значеніе профессіоннальнаго образованія пожарныхъ.
11. Итоги VI Международнаго Пожарнаго Конгресса.
12. Пожарное дѣло въ царствованіе Дома Романовыхъ.

1 руб. 50 коп.

